

TALLINNA TEHNIKAÜLIKOOL

Majandusteaduskond

Õiguse Instituut

Maria Repina

**СОВРЕМЕННАЯ ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
ШВЕЦИИ: ПРОБЛЕМА В РЕАЛИЗАЦИИ?**

Magistritöö

Juhendaja: lektor Vlad Vernygora

Tallinn 2017

Olen koostanud töö iseseisvalt.

Töö koostamisel kasutatud kõikidele teiste autorite töödele, olulistele seisukohtadele ja andmetele on viidatud.

Maria Repina.....

Üliõpilase kood: 124814

Üliõpilase e-posti aadress: maria.repina1@gmail.com

Juhendaja lektor Vlad Vernygora:

Töö vastab magistritööle esitatud nõuetele

.....

Kaitsmiskomisjoni esimees:

Lubatud kaitsmisele

.....

(ametikoht, nimi, allkiri, kuupäev)

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	5
1. ИММИГРАЦИЯ И ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ШВЕЦИИ: ВВОД В ПРОБЛЕМУ	10
1.1. История иммиграции и иммиграционной политики в Швеции	12
1.2. Правовая база и административные органы иммиграционной политики.....	20
1.3. Основные категории беженцев.....	29
2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ.....	39
2.1. Иммиграционная политика и политические партии	39
2.2. Иммиграционная политика и церковь	44
3. ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ШВЕЦИИ.....	53
3.1. Проблемы интеграции в сферах трудоустройства и образования	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	66
SUMMARY	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	73

АННОТАЦИЯ

Тема работы: Современная иммиграционная политика Швеции: проблема в реализации?

В течение последних лет в связи с вооружённым конфликтом и дестабилизацией политической обстановки в Сирии и соседних с ней государствах, европейские страны столкнулись с существенным увеличением миграционных потоков из стран Ближнего востока и Северной Африки. На сегодняшний день иммиграционная политика Швеции считается одной из самых либеральных среди остальных стран-участниц Европейского Союза (ЕС). В 2015 году на пике миграционного кризиса в страну прибыло 163 000 тысячи человек, а также рекордное число несовершеннолетних без сопровождения, в результате чего маленькая Швеция заняла первое место по количеству беженцев на душу населения среди остальных стран ЕС.

В данной работе автор проанализировал контекст, в котором существует иммиграционная политика Швеции. Исследование показало, что современная иммиграционная политика имеет историческую память и во многом полагается на богатый опыт прошлых лет, связанный с оказанием гуманитарной помощи беженцам из стран третьего мира. Помимо этого, реализация либерального иммиграционного курса невозможна без поддержки политической элиты и представителей церковной власти. Вместе с тем автор дал характеристику основным категориям беженцев, прибывшим в Швецию в период с 2014 по 2017 год, а также выявил ключевые проблемы, с которыми столкнулось шведское государство в ходе реализации иммиграционной политики. Исследование показало, что большинство сложностей вызвано дефицитом ресурсов, а также слабым уровнем взаимодействия между государственными и местными органами власти, ответственными за расселение и дальнейшую трудовую интеграцию иммигрантов. Также в контексте миграционного кризиса 2015 года можно говорить о возникновении новой категории беженцев, которую представляют несовершеннолетние без сопровождения.

Ключевые слова: иммиграционная политика, беженцы, Швеция, несовершеннолетние, трудовая интеграция

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении десятилетий Швеция являла собой социал-демократическую модель государства всеобщего благоденствия в действии. Достаток, благополучие, равенство – вот одни из первых ассоциаций, которые приходят на ум, когда речь заходит о Швеции. Отказавшись от будущих территориальных притязаний и претензий на статус супердержавы ещё в далёком 1814 году, Швеция предпочла занять позицию военного нейтралитета, сосредоточив свои силы на создании процветающего государства. Множество раз, когда мир лихорадило от войн и политических волнений, Швеция оказывалась в числе ведущих стран-доноров по оказанию гуманитарной помощи политическим и военным беженцам, что немало способствовало созданию имиджа так называемой «гуманитарной сверхдержавы» (Statement of Government Policy 2013, 10). В то время как толерантность и приверженность политике мультикультурализма превратились в неотъемлемый элемент национальной самоидентичности, этническое разнообразие стало визитной карточкой страны.

Однако на сегодняшний момент восприятие образа Швеции как «гуманитарной сверхдержавы» претерпело серьёзные изменения. Причиной этому послужили последствия излишне либеральной иммиграционной политики в отношении беженцев. В 2015 году, на пике европейского миграционного кризиса, маленькая Швеция приняла рекордное количество беженцев на душу населения среди остальных стран-участниц Европейского Союза (ЕС или Евросоюза). На фоне того, как ряд европейских стран пытался отгородиться от нескончаемого людского потока высокими стенами и пограничными кордонами, такое радушие со стороны шведов выглядело в глазах мирового сообщества по меньшей мере странно, поскольку вступало в явное противоречие со здравым смыслом и национальными интересами. Вскоре появилось немало критических статей в адрес шведского руководства, смысл которых сводился к одному единственному вопросу: как Швеция собирается разместить, трудоустроить и интегрировать такое огромное количество людей, столь отличных по своей культуре и

вероисповеданию? Также немало внимания было уделено растущему уровню безработицы и преступности среди иммигрантов. Примером тому может послужить один из наиболее неблагополучных районов города Мальмё – Розенгард (швед. Rosengård), за которым прочно закрепилась слава иммигрантского гетто. Около 86% населения Розенгарда являются выходцами из стран Среднего Востока, Африки и Восточной Европы, большинство жителей являются безработными и живут на государственные пособия (Europe Needs ... 2011). В Розенгарде неоднократно происходили вооружённые конфликты между представителями различных национальностей, впоследствии вылившиеся в серии поджогов и открытое неповиновение полиции.

В целом, на сегодняшний день возникла некая двойственность восприятия сложившейся в Швеции иммиграционной ситуации. С одной стороны, для ряда зарубежных политиков Швеция стала страной, которая столкнулась с серьёзными проблемами в сфере иммиграции. Примером этому может послужить недавнее высказывание Дональда Трампа. По его словам, Швеция приняла слишком много беженцев и теперь не в состоянии справиться с последствиями принятых на себя обязательств (PolitiFact 2017). С другой стороны, официальная риторика Стокгольма говорит об обратном. Вот как прокомментировал ситуацию с иммигрантами премьер-министр Швеции Стефан Лёвен (Sydsvenskan 2015):

Мы не устанавливаем никакого количественного лимита для прибывающих в нашу страну. Мы продолжим принимать беженцев в соответствии с обязывающими нас международными конвенциями. Мы делали это и раньше. В начале 1990-х Швеция стала новым домом для десятков тысяч вынужденных переселенцев из бывшей республики Югославии. На сегодняшний момент они стали важной частью шведского общества.

Таким образом, тема иммиграционной политики Швеции в отношении беженцев вызывает в настоящее время широкий общественный и политический резонанс, что обуславливает **актуальность** данного исследования. **Новизна** работы определяется тем, что исследование стремится не только охарактеризовать сложившуюся в Швеции иммиграционную ситуацию, но и понять, какие обстоятельства и предпосылки способствовали её появлению. В работах многих авторов (таких как Pelle Neroth Taylor 2015; Charles Westin 2006; Veronica Riniolo 2016) иммиграционная политика Швеции рассматривается в контексте выявленных проблем, однако дискуссия почти не

затрагивает первопричины, по которым такая ситуация вообще могла возникнуть. Иными словами, настоящая диссертация ставит перед собой задачу выяснить, что же стоит за так называемой политикой открытых дверей и какие стороны вовлечены в процесс её формирования.

Основной вопрос исследования: Соответствует ли истине утверждение о том, что современная иммиграционная модель Швеции имеет ряд уязвимых мест, а также является показательным примером осуществления определенного рода иммиграционной политики в отношении беженцев.

Проблема исследования. В связи с тем, что иммиграционная политика, осуществляемая шведским правительством в настоящее время, по большей части опирается на богатый опыт предшествующих лет, представляется не всегда возможным применить устоявшиеся и проверенные временем подходы к современной ситуации. Во-первых, Швеция впервые в истории столкнулась со столь беспрецедентным по своему количеству притоком иммигрантов, который не стихает в течение длительного промежутка времени, в то время как предыдущие волны иммиграции характеризовались относительной цикличностью. Во-вторых, многие сложности обусловлены тем фактом, что беженцы, прибывшие и продолжающие прибывать в Швецию в течение последних нескольких лет, не являются более-менее однородной по своему этническому составу группой людей. На сегодняшний день речь идёт о представителях множества разнообразных национальностей и вероисповеданий, у каждого из которых определённное социальное происхождение, а также уровень образования и трудовой опыт. Следовательно, единая интеграционная модель, успешно работавшая в течение многих десятков лет, должна быть существенно дополнена и видоизменена, чтобы отвечать вызовам сегодняшнего дня.

Гипотеза. С учётом того, что миграционный кризис затронул большую часть европейских стран, вызвав немало споров, опасений и пессимистических прогнозов, шведский опыт может стать показательным примером (как в позитивном, так и в негативном контексте) осуществления определенного рода иммиграционной политики в отношении беженцев.

Целью работы является попытка протестировать утверждение о том, что современная иммиграционная политика Швеции в отношении беженцев имеет ряд

уязвимых мест. Для решения поставленной цели автор ставит перед собой следующие **задачи**:

- рассмотреть основные исторические этапы развития иммиграционной политики Швеции;
- дать характеристику современной иммиграционной ситуации в стране;
- проанализировать правовую структуру и административные органы иммиграционной политики Швеции;
- обосновать недавние законодательные изменения проблемами, с которыми столкнулось шведское правительство в сфере иммиграции;
- изучить влияние политического и религиозного фактора на иммиграционный процесс;
- выявить ключевые спорные вопросы, возникающие в ходе реализации иммиграционной политики;
- исследовать проблемы трудовой интеграции иммигрантов и их детей.

Ввиду того, что понятие иммиграционной политики является объёмной и сложной темой, к анализу которой можно подойти с совершенно разных точек зрения, автор считает нужным определить границы исследования, а также целевую группу иммигрантов, о которых будет идти речь. Основной фокус данной работы направлен на иммиграционную политику Швеции в отношении беженцев в период с 2014 по 2017 года. Данный временной срез выбран не случайно, именно на этот период пришёлся основной пик миграционного кризиса в Европе, ставший в своём роде лакмусовой бумажкой, выявившей серьёзные противоречия в подходе к решению иммиграционного вопроса в ряде европейских стран, включая Швецию.

Объектом исследования является иммиграционная политика Швеции, а **предметом исследования** – возможные проблемы ее реализации.

Методы исследования. В данной работе использовано несколько методов анализа, среди которых особое место отведено методу статистического анализа данных. Такие первичные источники, как официальные доклады и статистические данные, представленные Шведской миграционной службой, Статистическим управлением Швеции, Организацией экономического сотрудничества и развития, Евростатом, Asylum Information Database (AIDA) и Migrant Integration Policy Index (MIPEX), легли в основу теоретической составляющей данной работы. Использование исторического метода даёт

возможность провести причинно-следственные связи между иммиграционной политикой в прошлом и настоящем, что крайне важно для понимания современной ситуации. Также в работе используется метод дискурсивного анализа нормативных документов в сфере иммиграционной политики, дающий возможность отследить последние изменения на законодательном уровне. Все законодательные акты находятся в открытом доступе на официальном портале правительства Швеции.

В работы были использованы материалы на английском и шведском языках, все переводы с языков оригинала были сделаны автором.

В первой главе приводится краткий экскурс в историю иммиграции в Швецию. Автор исследует условия возникновения, формирования и развития основных этапов иммиграционной политики шведского государства. Также в первой главе рассматривается нормативно-правовая база современной иммиграционной политики в отношении беженцев, а также главные административные органы иммиграционной политики Швеции. Представленные в таблицах статические данные отражают основные тенденции и изменения, касающиеся ключевых категорий беженцев по их этническому и половозрастному составу. Иными словами, в первой главе автор стремится обосновать нынешнюю иммиграционную политику некой исторической памятью, а также дать характеристику современной ситуации – кто эти люди, каково их происхождение и с помощью каких инструментов государство регулирует их пребывание в стране. Вторая глава пытается ответить на вопрос, почему и в каких условиях шведское правительство осуществляет столь либеральный курс иммиграционной политики. Автор предполагает, что подобная политика должна иметь под собой прочное основание и поддержку в лице нескольких акторов. Во второй главе иммиграционная политика анализируется с точки зрения вовлечённости в неё правящей политической партии и церкви. Третья глава посвящена основным проблемным областям иммиграционной политики в отношении беженцев, а именно – интеграции в сфере трудоустройства и образования.

Особое внимание уделено несовершеннолетним беженцам, число которых в течение последних лет стало исчисляться десятками тысяч. На сегодняшний день их можно приравнять к отдельной категории иммигрантов, для интеграции которых не предусмотрено как таковой отдельной программы, что также вызывает немало споров. Термины «беженец» и «иммигрант» используются в данной работе как взаимозаменяемые понятия.

1. ИММИГРАЦИЯ И ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ШВЕЦИИ: ВВОД В ПРОБЛЕМУ

В условиях глобализации миграционных процессов, происходящих в современном мире, тема иммиграции и интеграционной политики, осуществляемой рядом крупнейших стран-реципиентов, служит неисчерпаемым источником споров и обсуждений. Приносят ли иммиграционные вливания существенную экономическую выгоду, увеличивая трудовые ресурсы страны и восполняя стареющее трудоспособное население, или же создают дополнительную социальную нагрузку на бюджет государства и несут угрозу национальной идентичности, - все эти и другие вопросы неизбежно возникают в связи с обсуждением данной темы.

В течение длительного периода времени Швеция поддерживала и культивировала свой статус так называемой «гуманитарной сверхдержавы» - государства, которое вот уже на протяжении двухсот лет исповедует политику военного нейтралитета, славясь вместе с тем своим радушием по отношению к приезжающим в страну иммигрантам. «Самая щедрая страна в мире», «государство идеалистов» (Traub 2016) – это лишь немногие из эпитетов, которыми журналисты наделяют Швецию. Действительно, либеральная иммиграционная политика, политкорректность и поддержка мультикультурализма стали не только неотъемлемой частью шведской идентичности, но и официальной политической доктриной, которой придерживается находящаяся у власти социал-демократическая партия.

Неудивительно, что на пике разразившегося в 2015 году европейского миграционного кризиса, Швеция выразила готовность принять и разместить значительное количество беженцев, основная часть которых приехала из раздираемых войной Сирии, Афганистана и Ирака. Осенью 2015 года, когда странам-членам ЕС не удалось достичь между собой консенсуса и справиться с огромным наплывом беженцев в рамках существующей в ЕС системы по распределению беженцев, а действующее Дублинское соглашение от 1990 года показало свою неэффективность, Швеция взяла на

себя большую долю ответственности, в результате чего стала рекордсменом по числу принятых беженцев на душу населения среди всех стран-участниц ЕС. Так, по данным миграционной службы Швеции (швед. Migrationsverket), в 2015 году чуть менее 163 000 человек подали заявки на предоставление убежища, в два раза больше по сравнению с 2014 годом. В целом, за период с 2015 по 2016 год население Швеции увеличилось за счёт иммиграции на 134 240 человек, значительную часть которых составили беженцы (Sweden and Migration 2016).

Несмотря на заверения шведского правительства о том, что ситуация находится под контролем, а также доклад, представленный службой занятости (швед. Arbetsförmedlingen), в котором говорится о том, что ежегодно страна нуждается в 64 000 иммигрантов в возрасте от 16-64 лет, чтобы компенсировать уменьшающиеся показатели рождаемости (Rapport från Arbetsförmedlingen 2015), всё громче стали звучать голоса тех, кто выразил определённую долю сомнения касательно способности Швеции разместить и интегрировать такое количество людей. Действительно, нехватка жилья, дополнительная финансовая нагрузка, которая тяжким бременем легла на плечи шведских налогоплательщиков, участвовавшие случаи насилия и рост преступности стали настоящим испытанием, больно ударив по имиджу «гуманитарной сверхдержавы».

Так, министр по вопросам занятости и интеграции Йльва Йоханссон (Ylva Johansson 2016) прокомментировала ситуацию следующим образом:

Этот беспрецедентный рост населения привёл к нехватке практических ресурсов в ряде сфер, начиная от жилья и заканчивая школами и здравоохранением. Вот почему мы не можем продолжать принимать такое большое количество людей, приезжающих сюда из года в год, это буквально растягивает нашу систему.

В результате в конце 2015 года власти Швеции были вынуждены временно ужесточить пограничный контроль с целью предотвращения въезда в страну лиц, не имеющих удостоверяющих личность документов, а в июне 2016 года шведский парламент Ригсдаг одобрил действующий в течение трёх лет закон, который наложил ряд ограничений на иммиграцию в рамках программы по воссоединению с семьёй.

1.1. История иммиграции и иммиграционной политики в Швеции

История иммиграции в Швецию уходит корнями в далёкое прошлое. На протяжении веков в создании процветающего государства всеобщего благоденствия принимали участие не только этнические шведы, но и представители множества других национальностей. В целом, иммиграция в страну началась рано, уже в средние века можно было говорить о так называемой трудовой иммиграции, когда зажиточные немецкие бюргеры, происходившие родом из торговых городов Ганзейского союза, начали селиться в шведских Висбю и Стокгольме (Westin 2006). Финские крестьяне стали осваивать малонаселённые регионы центральной Швеции в 1500-х годах, а в конце 1600-х немалую роль в развитии железообрабатывающей промышленности сыграли бельгийские кузнецы и литейщики. В 1700-х годах страна приняла членов еврейской общины и представителей французской интеллигенции. В 1800-х, по мере того как в крупных городах начали возводиться постройки из кирпича, в Швецию потянулись известные своим мастерством итальянские зодчие (Migrationsverket 2016).

Массовая эмиграция этнических шведов в США и Австралию в период с 1850 по 1930 год оставила огромный след в истории Швеции, оказав существенное влияние на культурный и демографический ландшафт страны на многие десятилетия вперёд. Более 1.5 миллиона переселенцев, спасаясь от бедности и религиозных гонений, покинуло родину в поисках лучшей жизни. Пик эмиграции пришёлся на 1887 год, когда свыше 50 000 шведов уехало из страны, преимущественно в Америку (Sweden and Migration 2016). Лишь начало первой мировой войны, вкуче с введением иммиграционных ограничений правительством США, положило конец процессу массовой эмиграции, ставшему к тому времени настоящим социальным бедствием для страны.

Таким образом, вплоть до 1930-х годов Швеция оставалась этнически однородным государством, иммигранты составляли лишь один процент населения (Reaching a state ... 2013). Всё изменилось с наступлением Второй мировой войны. Известно, что незадолго до начала военных действий, множество евреев, бежавших из нацистской Германии, искали убежища в Швеции. Однако приняли лишь немногих, большинству во въезде было отказано из-за того, что в шведском обществе тех лет была достаточно сильна расовая идеология и превалировали антиеврейские настроения (2006). Второй причиной стали опасения вызвать открытое недовольство нацистских властей Германии. Данный случай является, пожалуй, единственным прецедентом в

иммиграционной истории шведского государства, когда «гуманитарная сверхдержава» поставила во главе угла свои национальные интересы.

Во время Второй мировой войны Швеция стала новым домом для большого количества беженцев из соседних северных стран. Например, в период с 1941 по 1945 год около 49 000 финских детей были эвакуированы в Швецию в связи с активными военными действиями (Santavirta and Myrskylä 2015). Во время немецкой оккупации Дании и Норвегии, многим евреям и членам движения сопротивления удалось найти убежище в Швеции, позже они получили работу на фабриках и в отраслях сельского и лесного хозяйства, заменив десятки тысяч шведов, призванных служить в Национальную гвардию. К концу войны около 30 000 эстонцев и 5 000 латышей пересекли Балтийское море в небольших лодках в поисках нового дома, а в промежутке с 1945 по 1948 год население Швеции увеличилось ещё на 30 000 человек – ими стали выжившие в концентрационных лагерях представители самых разнообразных национальностей (2006). Важно отметить, что на тот момент в Швеции не существовало как такового понятия «интеграция». Недостатка в работе не было, поэтому иммигранты воспринимались, в первую очередь, как стратегически важный трудовой ресурс. Переселенцы мирно жили и трудились в Швеции, постепенно ассимилируясь в местное общество. Послевоенная модель так называемой «трудовой интеграции» использовалась по отношению к переселенцам в течение последующих сорока лет.

Второй ключевой группой иммигрантов в послевоенный период стали рабочие из Финляндии и стран южной Европы. Во-первых, в 1954 году пятёрка северных стран (Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция и Исландия) создали открытый рынок труда, в результате чего в течение последующих десяти лет в Швецию переехало порядка 550 000 финнов (2006). Во-вторых, на фоне дефицита трудовых ресурсов и быстрого развития экономики, многие шведские компании стали нанимать на работу иностранных рабочих. Так, в страну прибыло около 60 000 человек из Югославии и около 20 000 рабочих из Греции (2006). Интересно, что в отличие от Федеративной Республики Германия или Швейцарии, Швеция не стала участвовать в какой-либо специальной программе по привлечению иностранных рабочих. Границы были открыты, а все прибывшие в страну трудовые иммигранты рассматривались как будущие члены шведского общества. В целом, иммиграция тех лет носила скорее стихийный и неконтролируемый характер. Например, в 1950-х годах большой наплыв новопривывших даже привёл к нехватке

жилья, после чего правящая социал-демократическая партия выступила с амбициозной инициативой под названием *Миллионная программа*, целью которой стало строительство миллиона новых жилищ в течение десяти лет (Hall and Vidén 2005).

Послевоенный период отметился для Швеции ещё одним немаловажным событием. В 1950 году создаётся Агентство ООН по делам беженцев, и Швеция сразу же становится его активным участником. Так, в рамках программы по переселению беженцев, в Швеции нашли убежище тысячи венгров и чехов, бежавших от советского режима вскоре после венгерского восстания 1956 года и ввода войск в Чехословакию в 1968 году. В результате государственного переворота 1973 года в Чили, в течение последующих семнадцати лет Швеция приняла более 18 000 чилийских беженцев, спасавшихся от военного режима Пиночета, а также 6 000 беженцев из соседних Аргентины, Боливии, Уругвая и Перу (2006).

С 1 июля 1969 года контроль над миграционной политикой перешёл в полномочия новообразованного Шведского миграционного управления, призванного заниматься регуляцией потоков трудовых иммигрантов и программами интеграции (Migrationsverket 2016). Отныне те, кто хотел жить и трудиться в Швеции, должны были предоставить контракт о трудоустройстве, а также доказать, что у них есть финансовые средства и жильё (Immigration Worldwide ... 2010). Помимо этого, в задачи миграционного управления входил анализ рынка труда, проводимый в тесном сотрудничестве с рабочими профсоюзами, по итогам которого принималось решение, нуждается ли Швеция в дополнительной иностранной рабочей силе или нет. Если в стране были безработные шведы, которые могли занять вакантные рабочие места, у иностранцев почти не было шансов получить вид на жительство. Несмотря на серьёзное ужесточение иммиграционной политики в отношении трудовых иммигрантов, которое существенно сократило приток рабочей силой из европейских стран в последующие за этим года, оставались некоторые категории переселенцев, которых данные нововведения не затронули. Например, ими стали жители соседних скандинавских стран, которые с 1951 года имели право селиться и работать в Швеции без какого-либо специального разрешения. Изменения также не коснулись беженцев и иммигрантов в рамках программ по воссоединению с семьёй.

В 1975 году Риксдаг принял революционный по своей значимости законопроект, положивший начало новой политике мультикультурализма и интеграции.

Традиционный подход, ориентированный на естественный процесс ассимиляции, был в корне пересмотрен. Тремя основными столпами новой программы стали равенство, свобода выбора и товарищество (Borevi 2014, 710). Под этим подразумевалось, что постоянно проживающие в Швеции иммигранты обладали теми же правами, что и этнические шведы. Иммигрантам не нужно было жертвовать своими культурными, языковыми и религиозными ценностями для того, чтобы влиться в шведское общество. Каждый был волен решать, хочет ли он жить на шведский манер или остаться в своей культурной среде. Отныне это стало личным делом каждого и правительство не имело никакого права оказывать влияние на этот выбор.

Период с 1980 по 1999 год оказал большое влияние на формирование имиджа Швеции как «гуманитарной сверхдержавы». В середине 1980-х по всей западной Европе наметился рост беженцев из Ирана, Ирака, Ливии, Сирии, Турции и Эритреи. Во многом иммиграционный бум тех лет был вызван происходящими в мире событиями. Так, в промежутке с 1980 по 1989 год по причине ирано-иракской войны, 27 000 тысяч беженцев из Ирана и 7 000 тысяч беженцев из Ирака получили виды на жительство в Швеции (Sweden and Migration 2016). Вторым знаковым событием тех лет стало падение коммунистических режимов в странах восточной Европы. Как только у людей появилась относительная свобода передвижения, многие из них устремились в поисках лучшей жизни в более развитые и процветающие государства, Швеция не стала исключением. В результате увеличившегося количества вынужденных иммигрантов в стране заметно выросло число центров по приёму беженцев, сама процедура рассмотрения ходатайств стала занимать больше времени, а количество выданных разрешений существенно сократилось, поскольку многие люди, ходатайствующие о статусе беженца, уезжали из родной страны по причине бедности и отсутствия перспектив на будущее, а не из-за какого-либо преследования в свой адрес.

Конец 1990-х ознаменовался для всего мира окончанием холодной войны и распадом Югославии. С одной стороны, развитие демократии и экономический подъём в странах бывшего коммунистического режима наравне с прекращением затяжных войн в Ливане, Эритрее, Иране и Ираке благотворно повлияли на снижение роста беженцев в странах северной и западной Европы. С другой стороны, распад Югославии и последовавшие вслед за ним трагические события привели к тому, что впервые с момента окончания Второй мировой войны в Европе появились десятки тысяч

спасавшихся бегством людей. Так, в Швеции нашли новый дом 100 000 тысяч беженцев из стран бывшей Югославии, главным образом боснийцев, а также 3 600 тысячи косовских албанцев, эвакуированных из Македонии благодаря своевременному вмешательству Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) (Sweden and Migration 2016).

На волне беспрецедентного притока беженцев, шведские власти впервые столкнулись с целым рядом серьёзных проблем. Во-первых, всё больше людей, получивших вид на жительство в Швеции в качестве вынужденных иммигрантов, стремились перевезти вслед за собой многочисленных родственников, оставшихся в разрушенных и обнищавших после войны странах. В итоге шведское правительство вынуждено было ввести целый ряд ограничений для тех, кто стремился переехать в Швецию в рамках программы по воссоединению семей. Например, для ходатайствующих о воссоединении с родственниками подростков возрастной лимит был снижен с 20 до 18 лет, а пожилые родители отныне лишались возможности переехать к проживающим в Швеции детям (Migrationsverket 2016). Второй серьёзной проблемой стало отсутствие у многих беженцев удостоверяющих личность документов, что усложняло и затягивало процесс выдачи видов на жительство, а также препятствовало выдворению из страны тех, чьё прошение об убежище было отклонено. В результате многие из них просто остались в Швеции в качестве нелегальных иммигрантов. Впоследствии, на пике законодательных реформ 2005-2006 годов, связанных с реформированием судебной апелляционной системы, было пересмотрено порядка 30 000 тысяч подобных дел (Migrationsverket 2016).

Весной 2001 года Швеция присоединилась к Шенгенскому соглашению. Открытые границы и свободное передвижение людей в пределах шенгенской зоны привели к значительному увеличению трудовой миграции в обоих направлениях. Примечательно, что в 2004 году, сразу вскоре после крупнейшего в истории ЕС расширения, Швеция стала одной из трёх стран (вместе с Великобританией и Ирландией), которые не стали вводить временные меры контроля над гражданами, приезжающими из восьми недавно присоединившихся стран восточной Европы. Несмотря на это, в отличие от Великобритании и Ирландии, Швеция не испытала на себе иммиграционного бума дешёвой рабочей силы. Во-первых, этому воспротивились шведские профсоюзы, а во-вторых, на тот момент в Швеции просто не было достаточно

вакантных мест в таких областях как строительство, промышленность, электронная инженерия и образование.

Очередной вооружённый конфликт, вызванный вторжением американских войск в Ирак в 2003 году, привёл к новой волне военных беженцев, которая не стихает по сей день. Показательным является пример небольшого шведского города Сёдертелье, который фактически является пригородом Стокгольма. В 2007 году город принял 1,268 иракцев, что составило 5% от всех прибывающих в Европу беженцев из Ирака или 1.5% от населения Сёдертелье. Для сравнения, США и Канада, вместе взятые, в том же самом году приняли всего лишь 1,027 человек (Sweden and Migration 2016). По словам главы пресс-службы миграционного ведомства Фредрика Бенгтссона (Fredrik Bengtsson), Швеция может считаться ключевой страной-реципиентом беженцев в Европе (Sweden and Migration 2016). Помимо этого, перед миграционными властями Швеции возникла ещё одна проблема - заметно увеличилось число несопровождаемых взрослыми несовершеннолетних беженцев. По данным статистического управления Швеции (швед. Statistiska centralbyrån), к 2007 году количество несовершеннолетних детей и подростков стало исчисляться не сотнями, а тысячами. Если прежде ими занималась Шведская миграционная служба, то отныне забота о размещении несовершеннолетних иммигрантов легла на плечи шведских муниципалитетов, создав дополнительную социальную нагрузку.

В 2013 году шведское правительство осуществило две важные реформы в сфере иммиграционной политики. Во-первых, проживающие в Швеции без официального разрешения нелегальные иммигранты и их дети отныне имели право на медицинскую страховку, услуги дантиста и получение неотложной медицинской помощи наравне со всеми остальными гражданами Швеции (Potkanski 2015, 71). Во-вторых, с сентября 2013 года миграционная служба Швеции гарантировала правовой статус беженца всем прибывающим в страну сирийцам и лицам без гражданства, что серьёзным образом повлияло на дальнейшее развитие событий (Sweden offers ... 2013).

В 2014 году иммиграционные показатели составили 127 000 тысяч человек за год, 81 301 из которых являлись беженцами, получившими убежище в Швеции по гуманитарным причинам (Conflict in Syria ... 2014). Согласно докладу, представленному УВКБ ООН, в 2014 году Швеция получила рекордное количество заявок о предоставлении убежища, лишь немного не дотянув до рекорда 1992 года, когда более

84 000 тысяч человек из бывшей Югославии искали убежища в Швеции (Asylum Trends 2014, 11). Однако уже в следующем году был установлен абсолютный рекорд. В 2015 году 162 877 беженцев обратились с прошениями о предоставлении убежища (Country Reports Nordic... 2016, 12).

В целом, иммиграционная политика современной Швеции во многом полагается на исторический опыт прошлого (Immigration Worldwide ... 2010). Условно её можно разделить на два этапа. Начиная со времён окончания Второй мировой войны и вплоть до середины 1970-х годов, интенсивность иммиграционных потоков была обусловлена нехваткой трудоспособного населения, способного принять активное участие в развитии послевоенной экономики страны, характерной чертой которой стало бурное развитие различных отраслей промышленности и сферы услуг. Начиная с 1970-х годов Швеция перестала нуждаться в постоянном притоке иностранной рабочей силы, в результате чего явление трудовой иммиграции постепенно сошло на нет, а сама иммиграция перестала носить столь стихийный характер. В это же время был учреждён первый государственный институт (Шведское миграционное управление), в задачи которого входил контроль за миграционной ситуацией.

Период 1970-80-х годов сыграл важное значение в истории Швеции, поскольку тенденции и реформы тех лет определили дальнейшее развитие иммиграционной политики на долгие годы вперёд. Несмотря на то, что в контексте трудовой иммиграции послевоенных лет не существовало как такового понятия интеграции, отношение к новым гражданам шведского общества основывалось на универсальных принципах, заложенных в шведской модели государства всеобщего благоденствия. На деле это означало, что иммигранты получали те же социально-экономические блага и гарантии, что и коренные шведы. Помимо этого, им был гарантирован немедленный доступ к рынку труда, в результате чего процесс интеграции происходил естественным путём. Ещё одной важной вехой в развитии иммиграционной политики можно считать правительственный законопроект 1974 года, положивший начало шведской политике мультикультурализма. В её основу легли идеи о всеобщем равенстве и братстве. Отныне все иммигранты, вне зависимости от своего этнического и расового происхождения, были вольны выбирать, какого образа жизни они хотят придерживаться – следовать модели, принятой в шведском обществе, или же остаться в своём социокультурном пространстве.

Характерной чертой второго этапа развития иммиграционной политики стал интенсивный рост числа беженцев не европейского происхождения. Если в течение послевоенного времени их процент составлял лишь 10% от общего числа иммигрантов, то в последующие десятилетия увеличился до 40% (Borevi 2014, 709). Уже в 2005 году около миллиона жителей Швеции имело иностранное происхождение, что равнялось 12.4% от всего населения страны (Immigration Worldwide ... 2010). В этот же период зародилось явление так называемой семейной иммиграции, которая до сих пор играет существенную роль в постоянном увеличении иммиграционных показателей Швеции. Дестабилизация политической ситуации в мире, связанная с распадом Югославии и окончанием холодной войны, привела к дальнейшему увеличению потока беженцев. В начале 90-х Швеция впервые столкнулась с иммиграционным кризисом, когда число беженцев из стран бывшей Югославии составило 84 000 тысячи человек. Войны в Ираке и Афганистане, а также неблагоприятные условия жизни в ряде африканских стран привели к последующему иммиграционному росту в начале 2000-х годов. В 2013 году в официальном докладе, представленном правительством, впервые на государственном уровне прозвучало заявление о том, что Швеция является гуманитарной сверхдержавой и одной из ведущих стран-доноров гуманитарной помощи в мире (2013, 10).

В целом, можно прийти к выводу, что у современной иммиграционной политики шведского государства существует некая историческая память. Таким образом, на момент разразившегося в 2015 году миграционного кризиса, правительство страны пошло на вполне осознанный шаг, решив продолжить придерживаться курса открытых дверей даже в условиях сложившейся на тот момент ситуации. Подобное решение было продиктовано давней традицией предоставления убежища военным и политическим беженцам. Важность исторического опыта Швеции заключается в том, что современное отношение к беженцам во многом полагается на сформировавшиеся в прошлом мнения и представления о том, что иммигранты являются ценным трудовым ресурсом, без которого создание государства всеобщего благоденствия было бы просто невозможным. Вторым важным моментом можно считать положительный опыт Швеции в сфере интеграции. Высокие показатели трудовой интеграции в долгосрочной перспективе являются неопровержимым доказательством того, что шведская модель работает. Имея за плечами исчерпывающий опыт, связанный с кризисом 1990-х годов, возникшим вскоре после распада Югославии, современное правительство Швеции придерживается

мнения, что своевременные и эффективные меры со стороны государства способствуют быстрой и эффективной интеграции приезжих, которая, в свою очередь, приносит неоспоримую экономическую выгоду для государства.

1.2. Правовая база и административные органы иммиграционной политики

Административная система Швеции несколько отличается от других европейских стран с точки зрения распределения задач. Например, несмотря на то, что официально государственные органы власти подчиняются правительству, в действительности они могут выступать как независимые учреждения (Country Report: Sweden 2015, 12). Примером этому служит Шведская миграционная служба, в прошлом Шведское миграционное управление. Будучи центральным административным органом в области иммиграционной политики, миграционная служба официально подчиняется правительству и находится в тесном сотрудничестве с Министерством юстиции. В то же время, согласно конституции страны, правительство и Ригсдаг не имеют права вмешиваться во внутреннюю работу данного учреждения и влиять на принимаемые им решения. Поскольку миграционная служба является ключевым органом шведской миграционной политики, именно она ответственна за рассмотрение прошений о предоставлении убежища, а также выдачу видов на жительство и гражданства.

В случае, если беженец пересёк границу Швеции самостоятельно, первым делом он обязан зарегистрироваться в одном из восьми отделений миграционной службы, после чего в отношении прибывшего запускается процесс рассмотрения прошения. В течение периода ожидания миграционная служба обязана обеспечить беженца бесплатным жильём. Основными поставщиками жилищных услуг являются частные компании, с которыми миграционная служба заключает долгосрочный договор. На пике иммиграционного кризиса 2015 года, когда страна принимала около 10 000 новых беженцев в неделю (Migrationsverket 2015), неизбежный дефицит жилья привёл к тому, что многим людям приходилось ночевать в стихийных палаточных городках, разбитых прямо на центральных улицах Мальмё. Шквал критики тогда вызвало поведение владельцев крупнейших фирм-поставщиков жилищных услуг, для которых кризис стал не чем иным, как возможностью заработать лёгкие деньги. Поскольку частный

жилищный фонд стал единственным выходом в сложившейся тогда критической ситуации, многие компании стали намеренно завышать цены на свои услуги, особенно когда дело касалось размещения несовершеннолетних беженцев (Schuchter 2015). Дело в том, что в случае несовершеннолетних государственные выплаты в разы больше, каждый ребёнок/подросток обходится шведскому государству примерно в 2 000 крон ежедневно (примерно 200 €), а только в 2015 году их число составило 35 369 человек (Carlqvist 2015). Помимо предоставления жилья, на миграционной службе лежит ответственность за финансовую поддержку иммигрантов. Суммы выплачиваемых беженцам суточных расходов варьируются в зависимости от типа жилья (с питанием или без), а также семейного положения и возраста получателя. В течение периода ожидания у беженцев также есть возможность устроиться на работу.

Алгоритм действий несколько отличается в отношении беженцев, приезжающих в Швецию по квоте. В этом случае работа ведётся по двум ключевым направлениям. На внешнем, то есть международном уровне, миграционная служба тесно сотрудничает с УВКБ ООН. На начальном этапе этого двустороннего сотрудничества происходит тщательный отбор людей, которые смогут принять участие в программе по переселению. Для этого миграционная служба посылает на места своих сотрудников, которые интервьюируют соискателей. Второй вариант предусматривает заочное рассмотрение анкет возможных кандидатов, которые УВКБ ООН передаёт непосредственно миграционной службе. Также данное учреждение сотрудничает с посольствами и консульствами других стран, которые помогают в оформлении необходимых проездных документов. Наконец, на последнем этапе шведская сторона связывается с Международной организацией по миграции (МОМ), которая приобретает для беженцев авиабилеты до Швеции. На внутреннем, то есть государственном уровне, миграционная служба отвечает за распределение предусмотренных квотой мест по муниципалитетам, а также занимается оформлением и выдачей постоянных видов на жительство.

Особо пристальное внимание миграционная служба уделяет третьей категории беженцев, которую представляют несовершеннолетние без сопровождения. Поскольку дети и подростки являются приоритетной группой, для них процесс рассмотрения прошения проходит по ускоренной процедуре. Помимо стандартных этапов, через которые проходит любой приезжающий в Швецию беженец, в случае несовершеннолетних существует несколько отличительных моментов. Во-первых,

миграционная служба обязана проинформировать их о существовании так называемой возрастной экспертизы, участие в которой до недавнего времени не являлось обязательным условием. Под возрастной экспертизой понимается медицинский и стоматологический осмотр, целью которого является установление биологического возраста человека, у которого отсутствуют подтверждающие личность документы (Feltz 2015, 3).

Во-вторых, одной из первостепенных задач миграционной службы является розыск родственников или опекунов ребёнка/подростка. Согласно основным положениям Конвенции ООН по правам ребёнка, ребёнку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении (Конвенция о правах ребёнка, преамбула). Поиск родственников продолжается в течение всего периода рассмотрения заявки об убежище. Идеальным считается тот вариант, когда семья может воссоединиться в стране своего происхождения, однако если это невозможно или родные ребёнка находятся в безопасности в другой стране, то воссоединение должно произойти именно там (Migrationsverket 2016). Если ни один из этих вариантов не подходит, то родственникам ребёнка могут выдать вид на жительство в Швеции при условии, что сам несовершеннолетний получил от шведского государства статус беженца.

Ещё одними важными участниками современной иммиграционной политики Швеции являются муниципалитеты - именно они несут ответственность за дальнейшее расселение беженцев, получивших вид на жительство в Швеции (Resettlement and ... 2016, 6). Согласно шведской конституции, муниципалитеты обладают правом на самоуправление (Local Government Act 1992, § 1 (1), 7), поэтому местные власти могут самостоятельно решать, сколько беженцев они готовы принять и готовы ли принять вообще. Каждый год Шведская миграционная служба делает предварительный прогноз касательно ожидаемого количества беженцев. Муниципалитеты, в свою очередь, могут предложить определённое количество вакантных мест. Исторически сложилось, что некоторые из них принимают гораздо больше беженцев, чем другие. Таким примером может считаться муниципалитет Сёдертелье, половину населения которого составляют беженцы из Сирии (Södertälje in the ... 2007, 4).

Большинство богатых муниципалитетов почти не участвует в программе расселения. Согласно результатам недавних исследований, в некоторых из них на тысячу человек приходится всего лишь один беженец, в то время как аналогичные показатели в

более бедных и отдалённых муниципалитетах составляют сто иммигрантов на каждую тысячу местных жителей (Braw 2015). В целом, число иммигрантов на душу населения существенно варьируется от муниципалитета к муниципалитету. Так, в 2017 году самый высокий показатель был зафиксирован в муниципалитете Меллеруд (Mellerud) – 580 беженцев на 10 000 жителей, а самый низкий в Боллебюгде (Bollebygd) - 20 беженцев на 10 000 жителей (European Integration Network ... 2017, 4).

Подобный дисбаланс можно объяснить нежеланием властей взваливать на себя дополнительную социальную нагрузку. Несмотря на материальную поддержку со стороны государства, на плечи местных властей ложится немало проблем, - всех беженцев необходимо расселить, а у детей и подростков должна быть возможность посещать школу. Помимо этого, государство компенсирует лишь часть расходов, остальные материальные издержки, связанные с расходами на образование и здравоохранение, ложатся на плечи шведских налогоплательщиков.

Последствия неравномерного распределения беженцев между муниципалитетами стали особенно заметны на фоне миграционного кризиса 2015 года. В связи с этим в марте 2016 году вступил в силу новый закон, согласно которому все без исключения муниципалитеты должны участвовать в программе расселения беженцев (Resettlement and ... 2016, 15). Количество беженцев будет определяться размером муниципалитета и текущей ситуацией на рынке труда. Около двадцати муниципалитетов, среди которых и Сёдертелье, принявшие наибольшее количество беженцев в течение последних лет, были освобождены от обязательств участвовать в программе расселения на весь 2016 год.

Ещё одним административным органом иммиграционной политики считается государственная служба занятости (швед. Arbetsförmedlingen). Её целевой группой являются получившие вид на жительство взрослые беженцы и их родственники, а также молодые люди в возрасте 18-19 лет, приехавшие в Швецию без сопровождения (When you have received ... 2016, 1). Служба занятости отвечает за процесс трудовой и учебной интеграции, основная цель которого заключается в том, чтобы беженцы как можно скорее освоились в новой для них обстановке, получили базовые знания шведского языка, трудоустроились и смогли стать независимыми гражданами шведского общества. Каждый беженец становится участником двухлетней интеграционной программы, в течение этого периода он изучает шведский язык, повышает свои профессиональные навыки, участвует в стажировках, готовится к поступлению в высшие образовательные

учреждения или активно вовлечён в поиск работы. Служба занятости, в свою очередь, всячески содействует его трудоустройству и напрямую налаживает контакты с заинтересованными работодателями или учебными заведениями. Участие в программе считается окончанным, если человек нашёл постоянное место работы, где проработал на полную ставку не менее шести месяцев или поступил в высшее учебное заведение.

Суды являются следующими важными участниками иммиграционного процесса. Если миграционная служба отклонила прошение о предоставлении убежища, это решение может быть обжаловано в одном из трёх миграционных судов Швеции. В случае обжалования миграционная служба обязана ещё раз пересмотреть обстоятельства данного дела, после чего суд выносит новое постановление. В случае, если истец или ответчик не удовлетворены данным решением, его также можно обжаловать в миграционном апелляционном суде в Стокгольме, который является высшей инстанцией в данном процессе (Country Report: Sweden 2015, 12). Финальное решение апелляционного суда считается окончательным и не подлежит пересмотру. В случае отрицательного ответа беженец обязан покинуть Швецию в течение установленного законом срока.

Если беженец отказывается уехать добровольно, то вопрос о его выдворении из страны переходит в полномочия шведской полиции. В 2015 году более половины из тех, кому было отказано в дальнейшем нахождении в Швеции, предпочли «уйти в подполье», пополнив ряды нелегальных иммигрантов. Согласно официальной статистике, подавляющее большинство таких случаев – это так называемые «дублинские дела». В рамках Дублинского соглашения беженцы обязаны ходатайствовать о предоставлении убежища в первой стране ЕС, границу которой они пересекли. Если этого не произошло, и беженец выбрал в качестве своего конечного пункта назначения другое европейское государство, то за миграционными властями сохраняется право направить заявителя в третью страну при условии соблюдения всех правил и гарантий безопасности, изложенных в директиве (Dublin III Regulation 2013, § 3 (2)). Если передача не состоялась в течение периода от 6 до 18 месяцев, то миграционная служба обязана рассмотреть заявление на получение убежища (Dublin in brief 2015). Таким образом, многие беженцы намеренно используют данную оговорку, предпочитая скрываться в течение 18 месяцев, чтобы впоследствии иметь законные основания избежать депортации в другую страну ЕС и получить вид на жительство в Швеции.

Предоставление статуса беженца в Швеции регулируется Законом об иностранцах, принятого в 2005 году (швед. Utlänningslagen). По состоянию на 2016 год, в Швеции существует три группы лиц, которые могут ходатайствовать о предоставлении убежища: беженцы; лица, нуждающиеся в дополнительной защите; лица, нуждающиеся в ином виде защиты (Refugee Law ... 2016). Так как Швеция является страной, подписавшей Женевскую конвенцию и Протокол о статусе беженцев (The Refugee Convention 1951, § 2 (1) and Aliens act 2005, §1 (4)), «беженец» определён шведским законодательством как человек, который

в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений.

Лицо, получающее дополнительную защиту – это иностранец, который не квалифицируется в качестве беженца, однако в отношении которого имеется основание полагать, что его возвращение или высылка из Швеции в государство происхождения может повлечь серьёзную опасность, в том числе применение в отношении него смертной казни, пыток, телесных наказаний и других бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство видов обращения. Также к этой категории относятся лица без гражданства и гражданские лица, чья жизнь и здоровье могут подвергнуться опасности в результате международного или внутригосударственного вооруженного конфликта (Aliens act 2005, §4 (2)).

Наконец, третьей группой лиц, имеющих право ходатайствовать о предоставлении убежища в Швеции, являются иностранцы, которые не квалифицируются в качестве беженца, однако вынуждены покинуть страну своей гражданской принадлежности по причине экологического бедствия, внешних или внутренних военных конфликтов, а также имеют обоснованные страхи подвергнуться каким-либо противоправным действиям (Aliens act 2005, §4 (2)).

Основанием для отказа в предоставлении статуса беженца может стать ряд причин. Например, если в процессе рассмотрения заявки выяснится, что ходатайствующий является военным преступником, совершившим преступления против человечности или другие серьёзные уголовные преступления, или же представляет угрозу национальной безопасности Швеции. Однако даже в этом случае у него есть возможность остаться в Швеции на легальных основаниях и получить временный вид на жительство, если возвращение на родину сопряжено с опасностью для жизни. Например, подобный случай произошёл в феврале 2015 года с гражданином Сирии, который получил официальный статус беженца в Швеции. По данным шведской службы безопасности, на родине он был осуждён за применение пыток и жестокое обращение. Несмотря на это, шведский суд отказался депортировать этого человека из Швеции ввиду опасности, которой он может подвергнуться по возвращении на родину (Bouvin 2015).

Также заявление о предоставлении убежища может быть отклонено в том случае, если человек уже получил или может получить официальный статус беженца или лица, нуждающегося в дополнительной защите, в одной из других стран ЕС. Данное правило регулируется в рамках Дублинского соглашения, регламентирующего иммиграционную политику в отношении беженцев между странами-участницами ЕС. Стоит отметить, что шведское правительство неоднократно апеллировало к факту того, что действующее соглашение показало свою неэффективность и требует немедленного пересмотра. Так, в своём обращении к Европейскому парламенту премьер-министр Швеции Стефан Лёвен прокомментировал ситуацию следующим образом (Speech by Prime Minister ... 2016):

[...] пришло время признать, что Дублинское соглашение не работает. Если мы не создадим новую, более действенную систему, всё больше стран будут вынуждены действовать в одностороннем порядке, что негативно скажется как на отношениях между странами-участницами ЕС, так и на тех людях, которым мы в действительности стремимся помочь. Швеция готова работать над созданием такой системы, основополагающим принципом которой станет равное распределение беженцев между странами-участницами ЕС.

В конце 2015 года стало очевидно, что иммиграционная ситуация выходит из-под контроля, а страны-участницы ЕС не в состоянии договориться о равномерном

распределении квот на беженцев (Frej 2015). На пресс-конференции, проведенной правительством 24 ноября 2015 года, был озвучен план действий по ужесточению иммиграционного законодательства. Основным аргументом стала чрезмерная нагрузка на органы государственного управления, а также нехватка ресурсов, необходимых для размещения и устройства столь большого числа людей. Иллюстрацией этому может служить сфера образования. В 2015 году каждую неделю в Швецию приезжало по несколько тысяч молодых людей школьного возраста, что означало 100 новых классов в неделю (Government proposes measures ... 2016). По мнению членов правительства, ужесточение правил приёма должно будет снизить привлекательность Швеции в глазах иммигрантов, которые станут выбирать другие страны ЕС в качестве своего конечного пункта назначения. Одновременно с этим было решено сосредоточить внимание на расселении и трудовой иммиграции тех, кто уже прибыл в Швецию.

Среди ключевых мер по изменению иммиграционного законодательства стал отказ в выдаче постоянных видов на жительство, вступивший в силу 20 июля 2016 года. В основном данное решение затронуло беженцев из Сирии. Дело в том, в 2013 году Шведская миграционная служба пересмотрела свою политику в отношении сирийских беженцев, гарантировав им постоянный вид на жительство в Швеции вне зависимости от сопутствующих каждому делу обстоятельств (Ostrand 2015, 272). На сегодняшний день от данной практики решено было отказаться, исключение составили семьи с детьми до 18 лет и несовершеннолетние беженцы, успевшие ходатайствовать о предоставлении постоянного вида на жительство до того, как новое законодательство вступило в силу (New law that affects ... 2016, 1). Теперь лица, получившие официальный статус беженца, могут оставаться в стране на основании временного вида на жительство продолжительностью в три года. Для лиц, нуждающихся в дополнительной защите, временный вид на жительство равняется 13 месяцам. Лица иностранного происхождения, нуждающиеся в другом виде защиты, чей статус не попадает под два первых определения, отныне теряют право ходатайствовать о временном или постоянном виде на жительство в Швеции (Government proposes measures ... 2016). Единственное исключение из правила составили беженцы, приезжающие в Швецию по квоте УВКБ ООН в рамках программы по переселению.

Вступивший в силу закон также затронул интересы тех, кто намеревался переехать в Швецию в рамках программы по восстановлению семьи. Все беженцы,

получившие временный вид на жительство, имеют право на воссоединение только с ближайшими родственниками. К ближайшим родственникам относятся жёны, мужа, зарегистрированные гражданские партнёры, а также дети до 18 лет. В прошении может быть отказано, если возраст одного из супругов меньше 21 года. Помимо этого, новые правила подразумевают ужесточение требований к содержанию членов семьи. Если обладатель временного или постоянного вида на жительство желает перевести в Швецию своих ближайших родственников, то он должен доказать, что располагает для этого достаточными возможностями, речь здесь идёт преимущественно о жилищных условиях (New law that affects ... 2016, 2). Необходимо отметить, что все вступившие в силу 20 июля 2016 года изменения являются временными и действуют в течение трёх лет.

Ещё одно важное нововведение коснулось приезжающих в Швецию несовершеннолетних без сопровождения. Согласно данным миграционной службы, в 70% случаев, когда речь идёт о подростках в возрасте 15-17 лет, возникают серьёзные сомнения относительно точного возраста соискателя убежища (Sweden to begin ... 2017). По мнению многих экспертов, существующая на данный момент медицинская оценка является поверхностной и наивной, в результате чего тысячи беженцев намеренно лгут о своём реальном возрасте, стремясь получить вид на жительство в Швеции по облегчённой процедуре. Как правило, возраст просто записывается со слов самого беженца (Carlqvist 2015). Вот как прокомментировали ситуацию сотрудники Министерства здравоохранения и социальных дел Швеции (New Swedish recommendations ... 2016):

На сегодняшний день риск ошибки значителен. Очень часто методы, которые используются при оценке биологического возраста человека, не имеют научных оснований и основываются лишь на внешнем осмотре. Результаты рентгеноскопии костных тканей и стоматологического осмотра также имеют погрешности, которые могут варьироваться от одного до четырёх лет (...).

Помимо этической стороны вопроса, отсутствие надёжной экспертизы, позволяющей установить точный биологический возраст человека, негативно влияет на благополучие тех детей и подростков, которые действительно нуждаются в особой защите со стороны государства, поскольку предназначенные финансовые средства

тратятся на совершенно иную категорию беженцев. Муниципалитеты, в свою очередь, неоднократно критиковали миграционную службу за существующую практику в отношении оценки возраста и сообщали о подозрительных случаях, когда молодые люди, чей возраст явно превышал 18 лет, наравне с детьми и подростками посещали школьные образовательные учреждения и проживали в специальных центрах по размещению несовершеннолетних без сопровождения (Sweden unveils new ... 2017).

Ввиду ненадёжности существующей медицинской экспертизы, правительство обратилось к Министерству здравоохранения и социальных дел с просьбой разработать новый, более действенный метод установления биологического возраста, в основу которого могут лечь современные методики МРТ-сканирования костно-мышечной системы. В сентябре 2016 года подобная методика была разработана, а уже весной 2017 года планируется впервые применить её на практике, экспертизу будут проводить частные медицинские и стоматологические клиники (Sweden begins new... 2017).

1.3. Основные категории беженцев

В настоящее время существует два способа получить официальный статус беженца в Швеции. В первом случае речь идёт о десятках тысяч людей, которые самостоятельно пересекают шведскую границу и встают на учёт в ближайшем отделении шведской миграционной службы. Рассмотрение каждого такого случая занимает в среднем до 328 дней или 10,5 месяцев (Migrationsverket 2016). На приведённом ниже графике показано, как менялось количество таких прошений из года в год.

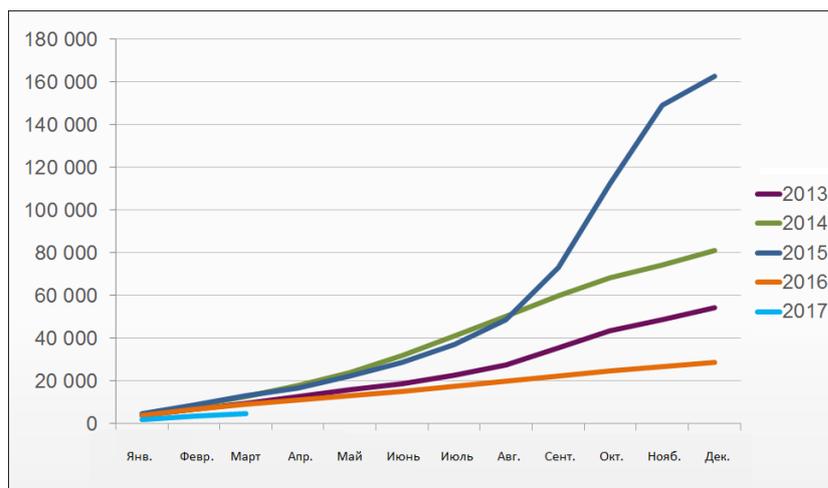

Рисунок 1.1. Динамика прошений о предоставлении убежища по годам
 Источник: (Шведская миграционная служба 2017)

Как видно из графика, основной иммиграционный пик пришёлся на конец 2015 года, когда общее число заявок достигло отметки в 162 877, побив все мыслимые и немыслимые рекорды прошлых лет. Если сравнивать с предыдущими годами, то аналогичные показатели в 2013-2014 годах равнялись 54 259 и 81 301 соответственно (Статистическое управление Швеции 2017). Несмотря на то, что по общему числу поданных прошений Швеция заняла третье место (первые два достались Германии и Венгрии), в расчёте на душу населения именно Швеция приняла больше всех беженцев по сравнению с другими европейскими странами (Promoting well-being ... 2016, 8). Лишь в 2016 году, благодаря своевременно принятым законодательным мерам, удалось снизить поток прибывающих в Швецию беженцев до 28 939 человек. По состоянию на март 2017 года, число поданных заявок равняется 3 729 (Migrationsverket 2017). Стоит отметить, что 2015 год оказался рекордным не только для Швеции. Согласно исследованию, опубликованному Pew Research Center, 1.3 миллиона человек обратились с просьбой о предоставлении убежища в 28 странах ЕС, а также Норвегии и Швейцарии, что вдвое превысило последнюю максимальную отметку в 700 000 человек, зафиксированную вскоре после падения железного занавеса и окончательного распада Советского союза в 1992 году (Coppo 2016, 4).

Если говорить об основных странах происхождения иммигрантов, то ими стали Сирия, Афганистан, Эритрея, Сомали, Иран и Ирак, также заметную долю от общего

числа беженцев составили лица без гражданства (Aiyar et al 2016, 7). На приведённом внизу рисунке показано распределение самых многочисленных групп беженцев по странам происхождения.

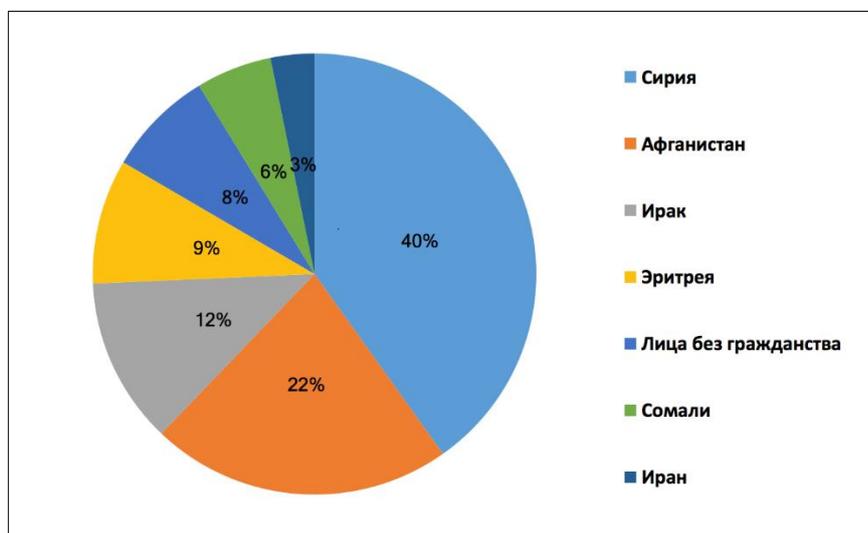

Рисунок 1.2. Распределение беженцев по стране происхождения с 2014 по 2017 год
Источник: (Статистическое управление Швеции 2017)

Вооружённый конфликт, разразившийся весной 2011 года между правительством Башара Асада и силами оппозиции, превратился на сегодняшний день в затяжную и кровопролитную гражданскую войну, которая уже считается одной из крупнейших гуманитарных катастроф современности. Почти 5 миллионов человек были вынуждены покинуть Сирию с начала 2011 года (Syria Emergency 2017). По подсчётам МОМ, сирийцы на сегодняшний день составляют 40% от общего количества беженцев в мире (Tuttle 2015). Без сомнения, сирийский кризис стал настоящим вызовом для всего мирового сообщества. Несмотря на то, что некоторые европейские страны предпочли остаться в стороне, избрав путь ограничительной иммиграционной политики, Швеция не смогла остаться равнодушной. Ещё в 2013 году, предвидя дальнейшую эскалацию конфликта, шведское правительство приняло решение гарантировать автоматический вид на жительство всем прибывающим в страну сирийцам, а также предоставить восьми тысячам проживающим на тот момент в стране сирийским беженцам постоянный вид на жительство вместе с возможностью перевезти в Швецию членов своих семей (Sweden

offers ... 2013). Очевидно, что иммиграционный бум последующих лет во многом стал прямым следствием принятого в 2013 году решения. В период с 2014 по 2017 год 87 809 тысяч сирийцев ходатайствовали о статусе беженца в Швеции, практически все из них получили положительный ответ. Если взглянуть на общую статистику удовлетворения ходатайств об убежище, то положительные решения в отношении беженцев из Сирии составляют 99%, и есть все основания полагать, что подобная тенденция продолжится и в будущем (Статистическое управление Швеции 2017).

Второй по численности группой иммигрантов стали беженцы из Афганистана. Так, в период с 2014 по 2017 год было зафиксировано 47 994 обращения о предоставлении убежища, пик которых пришёлся на 2015 год (42 564 заявок) (Статистическое управление Швеции 2017). Ввиду ухудшения военно-политической ситуации в стране, очередным витком которой стал вспыхнувший в 2015 году многосторонний вооружённый конфликт между афганской армией, талибами и запрещённой террористической группировкой Исламское государство, десятки тысяч беженцев, большую долю которых составляют несовершеннолетние дети и молодые люди, стали массово присоединяться к иммиграционным потокам в Европу. По словам заместителя государственного министра по делам парламента Афганистана Сайеда Кубуддина Ройдара, сложившаяся на сегодняшний день военно-политическая обстановка вкупе с ухудшающейся социально-экономической ситуацией в стране привели к тому, что четверть афганских детей не посещают школу, за чертой бедности проживает 42 процента населения, а 7 миллионов молодых людей не имеют работы (Политический кризис в Афганистане ... 2016).

Второй причиной, повлиявшей на увеличение числа афганских беженцев в Швеции, стала официальная позиция Германии. Согласно докладу, представленному в 2016 году Министерством внутренних дел Германии, около 5% от общего числа прибывших в Германию в сентябре этого года афганских беженцев должны быть отправлены обратно на родину, поскольку ситуация в ряде регионов страны может считаться безопасной (Germany to send 12,000 Afghan refugees ... 2016). Одновременно с этим прозвучало заявление министра внутренних дел Германии, Томаса де Мезьера, в котором он подчеркнул, что поток беженцев из Афганистана должен быть остановлен. По его словам, информация о многочисленных социальных благах, которые будут гарантированы всем приехавшим в Германию иммигрантам, является не более чем

ложью, которую намерено распространяют контрабандисты, зарабатывающие большие деньги на переправке беженцев через границу. Таким образом, в результате ужесточения иммиграционной политики со стороны официального Берлина, многие афганцы были вынуждены искать убежище в других странах, включая Швецию (Stop refugees ... 2016).

Ещё одной многочисленной по своему составу группой беженцев являются выходцы из Эритреи. В период с 2014 по 2017 год общее количество прошений об убежище составило 27 645 заявок (Статистическое управление Швеции 2017). Согласно докладу ООН, государственное устройство Эритреи представляет собой один из самых авторитарных режимов в мире (Country Reports on Human Rights ... 2011). В стране попросту не существует свободы слова и прессы, отсутствует независимая судебная власть, национальное собрание и другие демократические институты (UN Inquiry finds crimes ... 2016). Указом единственного и бессменного президента Эритреи Исаяса Афеворки, находящегося у власти с 1993 года, в 2002 году в стране была объявлена массовая мобилизация, призванная укрепить эритрейское государство и развить у его граждан чувство национальной идентичности. В действительности обязательная воинская повинность оказалась равнозначна принудительному труду (Amnesty International Report 2016/17). На сегодняшний день большая часть мужского населения Эритреи мобилизована на неограниченный срок, который может достигать двадцати лет. У военнообязанных отсутствуют минимальные гражданские и политические права, они вынуждены жить на мизерную зарплату, которая не в состоянии покрыть самые основные нужды. В своей статье «Смерть самой щедрой страны в мире», Джеймс Трауб приводит слова пресс-секретаря шведского Миграционного агентства Пьера Каратзяна (Pierre Karatzian) о том, что многие эритрейцы бегут в Швецию из-за нежелания идти в армию по призыву. Если Швеция вернет их обратно, им будет грозить арест (Traub 2016).

Второй способ получить статус беженца в Швеции гораздо проще, поскольку беженцы приезжают в Швецию напрямую, в рамках осуществляемой под эгидой УВКБ ООН программы по переселению. Швеция является постоянным участником программы начиная с 1950 года, ежегодная квота составляет 1700-1900 человек. В 2015 году шведское правительство сделало официальное заявление, согласно которому в ближайшем будущем планируется постепенное увеличение квоты до 5 000 человек ежегодно (Lagliga vägar 2015). Такое решение обусловлено стремлением помочь как

можно большему количеству людей, у которых есть все законные основания ходатайствовать о статусе беженца. Вот как прокомментировал данное решение Оскар Экблад (Oskar Ekblad), глава отдела по приему беженцев шведского Миграционного агентства (Migrationsverket 2017):

Учитывая, сколько сейчас в мире отчаявшихся и нуждающихся в помощи людей, мы приветствуем и поддерживаем увеличение квоты на беженцев. Данное нововведение может послужить для многих людей неким сигналом к тому, что существуют безопасные и законные способы получить защиту в странах ЕС, что в долгосрочной перспективе поможет смягчить ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день в регионе Средиземного моря.

Первые шаги на пути к реализации данного решения были сделаны уже в 2017 году. Так, впервые со времён миграционного кризиса, вызванного распадом Югославии в 1900-х годах, количество установленных квотой мест превысило норму и составило 3 400 человек (EMN National Conference on Resettlement ... 2016). Больше половины из них предназначено для сирийских беженцев, оставшиеся будут равномерно распределены между выходцами из регионов восточной и северной Африки, а также юго-восточной Азии. Безусловно, такой способ получить убежище в Швеции во всех смыслах является наиболее предпочтительным вариантом. Люди минуют длительный процесс рассмотрения заявок, не томятся в ожидании принятия решения в центрах для беженцев, а напрямую отправляются муниципалитеты, давшие согласие на их размещение. Также беженцы приезжают в Швецию гораздо более подготовленными, поскольку накануне переезда участвуют в так называемой программе культурной адаптации, целью которой является знакомство с устройством шведского государства, условиями проживания, культурой и языком.

На приведённой ниже таблице показано, как менялся основной этнический состав приезжающих в Швецию беженцев в течение последних лет. Из таблицы видно, что в Швеции сложилась своеобразная традиция принимать на постоянной основе беженцев из таких стран, как Сомали, Эритрея и Афганистан, а с 2014 году к ним добавилась Сирия.

Год	Квота	Страна происхождения
2010	1900	Сомали, Афганистан, Эритрея, Палестина
2011	1900	Сомали, Афганистан, Эритрея, Эфиопия
2012	1900	Сомали, Афганистан, Эритрея, Колумбия, Судан
2013	1900	Сомали, Афганистан, Эритрея, Колумбия, Конго
2014	1900	Сирия, Сомали, Афганистан, Эритрея, Колумбия, Конго
2015	1900	Сирия, Сомали, Афганистан, Эритрея, Конго
2016	1900	Сирия, Сомали, Афганистан, Эритрея, Конго

Рисунок 1.3. Этнический состав приезжающих по квоте беженцев

Источник: (UNHCR Resettlement Handbook: Country Chapter - Sweden 2016)

Отдельной категорией беженцев можно считать приезжающих в страну детей и подростков, которым не исполнилось восемнадцати лет. Согласно шведскому законодательству интересы таких детей должны быть учтены особым образом, поэтому каждый отдельный случай рассматривается с особой тщательностью. У ребёнка есть право высказаться и быть услышанным, поскольку его причины ходатайствовать об убежище могут отличаться от причин сопровождающего его взрослого. Так как Швеция является страной, подписавшей конвенцию ООН о правах ребёнка, действующие в стране правила применимы по отношению ко всем несовершеннолетним, будь то постоянные граждане Швеции, обладатели временного вида на жительство или ходатайствующие об убежище. Например, все прибывающие в страну дети и подростки имеют право посещать дошкольные и школьные учреждения наравне со своими шведскими сверстниками, им также гарантирован доступ к получению медицинской помощи, включая услуги дантиста. С июля 2013 года вступил в силу вызвавший немало споров закон, согласно которому теми же правами отныне наделены и дети находящихся в стране нелегальных иммигрантов (Legal report on access to healthcare ... 2016, 139).

Многие несовершеннолетние приезжают в Швецию в сопровождении одного или двух родителей, однако большая их часть – это несовершеннолетние без сопровождения. Во время процесса рассмотрения таких заявок особое внимание уделяется возрасту ходатайствующего. Возраст, наравне с именем и гражданской принадлежностью, является важным параметром, идентифицирующим личность человека. Одной из

серьёзных проблем, с которой столкнулась миграционная служба, стали частые случаи обмана, связанные с намеренным сокрытием информации о реальном возрасте. Широкое освещение в прессе получила история двух «несовершеннолетних» беженцев из Ирака и Афганистана, утверждающих, что им 14 и 16 лет соответственно, оба в итоге получили статус беженца. Однако читатель видит на фотографиях двух взрослых мужчин, чей возраст, без всякого сомнения, колеблется в промежутке между 20-30 годами (Carlqvist 2015). Ингрид Карлквист (Ingrid Carlqvist), шведская журналистка и старший научный сотрудник Гейтстоунского института, в своей статье «Refugee Children» Invade Sweden» подробно рассматривает этот новый для Швеции феномен, объясняя его следующим образом. Во-первых, в случае несовершеннолетних процесс рассмотрения заявки происходит по ускоренной процедуре, процент отказов ничтожно мал, а вся информация о возрасте соискателя записывается с его же слов, то есть проверить её достоверность довольно сложно. Во-вторых, в Швеции, в отличие от соседних Дании и Финляндии, возрастная экспертиза не закреплена законом и не является обязательной. В качестве примера автор приводит результаты проведённого недавно в Дании исследования, согласно которому 72% от общего числа «несовершеннолетних», ходатайствующих о статусе беженца, в реальности оказались взрослыми людьми (Fogt 2015).

Ещё одно опасение связано с половозрастным составом приезжающих в Швецию несовершеннолетних беженцев. На сегодняшний день основная доля беженцев – это молодые мужчины, путешествующие в одиночку (Connog 2016, 23). Например, в 2015 Статистическое управление Швеции зафиксировало 114 728 прошений от мужчин и 48 149 от женщин. Одним из возможных объяснений этого явления может послужить тот факт, что путешествие к конечной цели сопряжено со многими опасностями. Поэтому в большинстве случаев работает следующая схема: мужчина, как глава семьи, отправляется в путь в одиночестве, но как только он получает официальный статус беженца в одной из стран-реципиентов, его жена и дети переезжают к нему в рамках программы по восстановлению семьи. Однако несколько иная ситуация обстоит с несовершеннолетними беженцами. В 2015 году в Швеции было зарегистрировано 32 367 прошений от несовершеннолетних мужского пола и всего лишь 2 690 заявок от несовершеннолетних женского пола (Статистическое управление Швеции 2017). Если прибавить эти цифры к уже имеющимся демографическим показателям, то на лицо очевидный перекос. Первый переломный момент в демографических показателях

Швеции был зафиксирован именно в 2015 году, когда мужчин оказалось на 277 человек больше, чем женщин, на сегодняшний день этот незначительный разрыв вырос до 12 000 тысяч. Самый большой прирост населения мужского пола был зафиксирован в возрастной группе от 15 до 18 лет, которую как раз и составили несовершеннолетние беженцы (Sweden struggles with first gender balance ... 2016). Существуют мнения, что в долгосрочной перспективе подобная тенденция может спровоцировать серьёзное нарушение гендерного баланса. Для Валери Хадсон, профессора политологии из Техасского университета, тема гендерного анализа населения представляет особый исследовательский интерес. Изучив иммиграционные показатели Швеции за 2015 год, Хадсон пришла к выводу, что на сегодняшний день в возрастной группе от 16 до 17 лет на каждые 100 девушек приходится 123 молодых человека (Hudson 2016). По мнению Хадсон, нарушение гендерного баланса может привести к росту уровня преступности, в частности, увеличению преступлений против женщин.

В целом, в промежутке с 2014 по 2017 год Швеция заняла первое место среди остальных стран ЕС по количеству поданных прошений от несовершеннолетних, основной их пик пришёлся на 2015 год. В официальном пресс-релизе, представленном статической службой ЕС (Евростат) заявлено, что 4 из 10 прошений были зарегистрированы именно в Швеции (Asylum applicants considered ... 2016). В 2015 году Статистическое управление Швеции зафиксировало 35 369 подобных случаев, что равнялось 40% от общего количества прошений по всему ЕС. На приведённом ниже графике можно проследить, как менялось количество таких заявок в течение последних лет. Если посмотреть на показатели 2015 года, то максимальное количество беженцев прибыло из Афганистана (23 480), Сирии (3 777), Сомали (2 058), Эритреи (1 939), Ирака (1 097), также было зарегистрировано 503 прошения от лиц без гражданства.

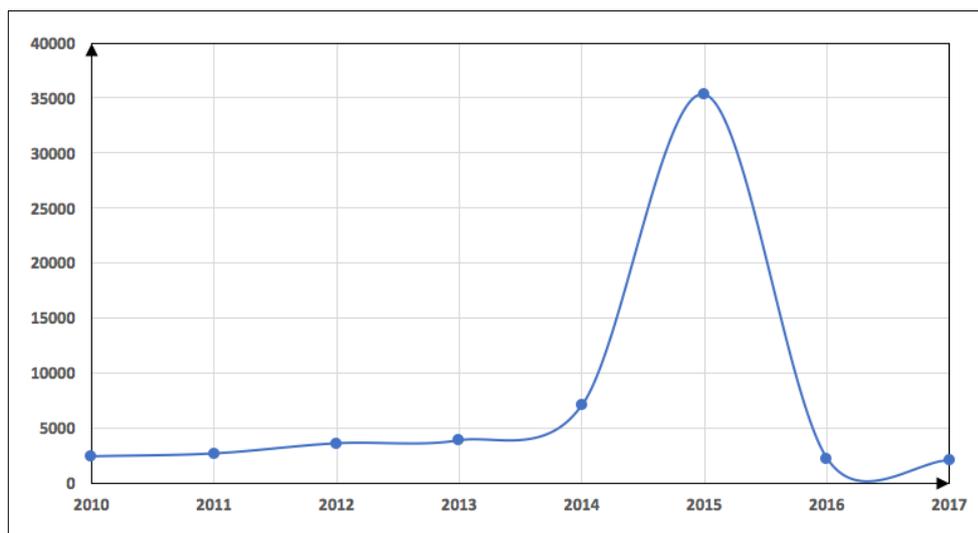

Рисунок 1.4. Динамика числа несовершеннолетних беженцев по годам

Источник: (Статистическое управление Швеции 2017)

На сегодняшний день можно утверждать, что Швеция во многом оказалась заложницей собственной системы. Поскольку в стране действуют исключительные законы о защите прав несовершеннолетних, то прибывающие без родителей беженцы попадают под надёжную опеку государства и органов социального обеспечения. Процесс рассмотрения заявки ускоряется в несколько раз, а число отказов стремится к нулю. Неудивительно, что подобная перспектива является более чем привлекательной для многих молодых людей, некоторые из которых даже готовы идти на обман ради достижения заветной цели. Также, по мнению Ингрид Карлквист, слабым местом законодательной системы стала правовая оговорка, дающая право на воссоединение семьи в том случае, если несовершеннолетний получил от шведского правительства статус беженца. В качестве примера она приводит историю одного семнадцатилетнего подростка, чьи родственники намерено отправили его в Швецию в качестве «якоря», чтобы впоследствии вся семья смогла переехать вслед за ним (Carlqvist 2015).

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Поскольку анализ возможных проблемных областей современной иммиграционной политики невозможен без понимания контекста, в котором она реализовывается, данная глава посвящена таким важным участникам иммиграционного процесса, как политические партии и церковь Швеции. Подобный выбор не является случайным и связан с необходимостью обосновать либеральную политику в отношении беженцев с точки зрения политического и социального ракурса. На пике иммиграционного кризиса 2015 года в Швеции впервые за многие годы наметился серьёзный политический раскол между политическими партиями. Во многом это было связано с тем, что правящая коалиция потеряла поддержку части электората, недовольного излишне открытой политикой в отношении беженцев, в результате чего на политической арене Швеции появилась новая сила в лице партии Шведских демократов.

Церковь, в свою очередь, является ещё одним оплотом и опорой либеральной иммиграционной политики. Несмотря на религиозный характер своей деятельности, современная церковь Швеции во многом подвержена влиянию правящей партии социал-демократов, для которых политика открытых дверей на протяжении многих лет являлась приоритетным пунктом избирательной программы. В связи с этим на сегодняшний день появилось немало критических замечаний, основная суть которых сводится к тому, что церковные лидеры Швеции превратили христианство в новую религию, призванную служить политической повестке дня.

2.1. Иммиграционная политика и политические партии

Вот уже более ста лет лидирующая роль в политической жизни Швеции принадлежит основанной ещё в далёком 1889 году Социал-демократической рабочей партии (швед. Sveriges socialdemokratiska arbetarepartiet, сокр. СДРПШ). Всемирно

известная модель государства всеобщего благоденствия (англ. welfare state) во многом является заслугой СДРПШ, именно социал-демократы в 1950-х, 1960-х и 1970-х годах стояли у истоков создания нового шведского общества (The Swedish Social Democratic Party, 5). Несмотря на то, что Швеция является многопартийной страной, на протяжении многих лет результаты парламентских выборов оставались на удивление стабильными, из года в год СДРПШ продолжала уверенно возглавлять коалиционное правительство, а дважды даже получила абсолютное большинство голосов (World Elections: Sweden 2014).

В основу партийной программы легла социал-демократическая доктрина со всеми присущими ей ценностями. Так, в официальной программе партии заявлено, что социал-демократы стремятся построить основанное на идеалах демократии общество, основными постулатами которого станут свобода, равенство и солидарность (Party program 2001, 3). Отдельное внимание уделено правам иммигрантов, которые названы одной из самых уязвимых групп современного шведского общества. Несмотря на то, что иммиграция обогащает Швецию в экономическом и культурном плане, потеря контроля над возникшим этническим, культурным и религиозным многообразием зачастую приводит к социальной изоляции и сегрегации иммигрантов. Также особое внимание уделено проблеме ущемления прав приезжих на рынке труда ввиду этнической дискриминации и заведомо ложных предубеждений. Поскольку совокупность этих факторов приводит к опасному росту крайне правых популистских движений, с присущими им чертами национализма и расизма, СДРПШ выступает за равные права для всех граждан Швеции, не делает различий между своими и чужими, а также содействует трудовой и социальной вовлечённости иммигрантов в шведское общество. В целом, СДРПШ всегда оставалась верна либеральной политике мультикультурализма, благодаря чему заручилась весомой политической поддержкой электората в лице иммигрантов и шведов с иммигрантскими корнями, которые считают социал-демократов наиболее лояльной по отношению к себе партией (Taylor 2015).

Однако за последние годы популярность СДРПШ заметно снизилась. Помимо внутренних межпартийных противоречий, существенное влияние на пошатнувшийся авторитет социал-демократов оказал миграционный кризис и связанное с ним появление на политической арене Швеции правоконсервативной партии Шведских демократов (швед. Sverigedemokraterna). Показательными в этом плане стали результаты последних парламентских выборов 2014 года, вызвавшие немало горячих дискуссий по всей стране.

Хотя СДРПШ в очередной раз возглавила коалиционное правительство, Шведским демократам удалось набрать беспрецедентное ранее количество голосов (12,86%), благодаря чему они смогли вырваться на третье место среди остальных партий и получить заметную долю влияния в Риксдаге (The Election Authority 2014, 1).

Основанная в 1988 году, партия Шведских демократов ворвались в политическую жизнь Швеции не так давно. Согласно шведским законам, для того, чтобы партия могла попасть в Риксдаг, она должна набрать не менее 4% голосов избирателей (Elections in Sweden, 15). Лишь в 2010 году Шведским демократам удалось преодолеть заветный барьер с результатом в 5,7% (The Election Authority 2010, 1). С этого момента их популярность среди населения только росла. На приведённом ниже рисунке видно, как менялось общественное мнение по отношению к СДРПШ и Шведским демократам на протяжении последних лет. Респондентам предлагали ответить на следующий вопрос: «Какой из партий вы симпатизируете на данный момент?».

Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Социал-демократическая партия	32,8	38,9	39,2	28,9	26,8	28,4	33,0	30,6	30,5	26,4
Шведские демократы	2,2	2,5	4,5	3,8	4,2	5,2	7,2	8,6	9,6	14,8

Рисунок 2.1. Популярность партий с 2006 по 2015 год (процент населения)

Источник: (The National SOM survey 1986-2013)

Несмотря на то, что представители СМИ зачастую именуют Шведских демократов «популистами», «ультраправыми» и даже «неофашистами» (Taylor 2015, 21), сами члены партии предпочитают называть свою идеологию социально-консервативной. Согласно официальной программе партии, члены партии не являются противниками иммиграции как таковой, однако призывают держать её под контролем, чтобы она не представляла угрозы национальной идентичности, а также процветанию и безопасности страны (Vår politik: Invandringspolitik). Например, для борьбы с социальной изолированностью и сегрегацией иммигрантов Шведские демократы предлагают осуществить ряд реформ в сфере так называемой семейной иммиграции. Здесь речь идёт о большом количестве иммигрантов, которые приезжают в Швецию в рамках программы по восстановлению семьи. Как правило, они не являются активными участниками интеграционного процесса и проживают в условиях культурной изоляции внутри своих

этнических общин, создавая дополнительную социальную и финансовую нагрузку на шведское государство. Отдельным пунктом программы можно считать щедрую финансовую поддержку тех, кто готов добровольно вернуться на родину (так называемая субсидия на репатриацию). В целом, партия стремится остановить процесс массовой иммиграции, а также сместить фокус правительства с политики мультикультурализма, обратив его на исконно шведские ценности.

Во время избирательной компании 2014 года руководство партии предпочло обратиться к самым горячим темам, связанным с иммиграцией. Ими стали проблемы образования, растущий рост преступности, чрезмерная нагрузка на муниципалитеты, несущие большую долю ответственности за расселение и интеграцию беженцев, а также страх перед исламом, усилившийся на фоне множества терактов, совершённых на территории Европы террористами из ИГИЛ. Так, согласно результатам опроса, ежегодно проводимого Гётеборгским университетом, в 2014 году 40% от общего числа опрошенных назвали образование главной социальной проблемой современной Швеции (Swedish Trends 1986-2015, 44). Одной из причин, связанных с ухудшением образовательных стандартов, считается появление в школьных классах слишком большого количества иммигрантов из таких стран как Афганистан и Эритрея, чей уровень знаний, в силу ряда причин, гораздо ниже требуемого.

Следующей спорной темой, которую Шведские демократы вынесли на повестку дня, стала дискуссия о целесообразности экономической выгоды, которую приносит иммиграция. Мысль о том, что Швеции нужны иммигранты, способные восполнить потери населения трудоспособного возраста, прочно укоренилась в умах политиков правящей партии социал-демократов. Однако согласно отчётам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в Швеции на протяжении многих лет наблюдается серьёзный разрыв в уровнях занятости между коренными шведами и иммигрантами. Например, в 2015 году уровень безработицы среди иммигрантов составил 16,2%, в то время как среди коренных шведов данный показатель был равен 5,5% (OECD Data: Foreign-born and Native-born unemployment). Подобный разрыв в процентном соотношении неизбежно наводит на мысль, что большая часть проживающих в стране иммигрантов не разделяет общее для всех жителей страны налоговое бремя.

Во многом успешные результаты парламентских выборов 2014 года были обусловлены ключевыми положениями их предвыборной программы. Вопреки расхожему мнению о том, что основным электоратом партии являются расисты и неонацисты (Larsson 2016), в действительности за Шведских демократов голосовали обычные люди, которым не безразлично будущее их страны. Если говорить о социально-экономическом портрете среднестатистического избирателя, то это молодой мужчина в возрасте от 18 до 29 лет, представитель рабочего класса так называемых «синих воротничков» (англ. blue-collar worker) (Peterson and Mattsson-Wallinder 2012). Также, как бы парадоксально это не прозвучало на первый взгляд, популярность партии растёт и среди иммигрантов, главным образом мусульманского происхождения. Анна-Лена Лодениус, известный шведский журналист и автор нескольких книг, посвящённых Шведским демократам, полагает, что иммигрантов в официальном курсе партии может привлекать приверженность традиционным семейным ценностям, которые близки исламской религии (More immigrants support ... 2013). Второй причиной служит естественная боязнь того, что растущая нагрузка на жилищный и социальный сектор государства может негативно повлиять на стандартны жизни тех, кто переехал в Швецию до начала миграционного кризиса 2015 года.

Несмотря на то, что Шведским демократам удалось составить серьёзную конкуренцию правящей коалиции, возникают определённые сомнения относительно их способности принимать полноценное участие в политической жизни Швеции. Дело в том, что Шведские демократы в глазах представителей остальных партий являются настоящими париями. Так, Стефан Лёвен, с 2014 года занимающий пост премьер-министра Швеции и представляющий СДРПШ, публично заявил о своём нежелании сотрудничать с партией Шведских демократов, назвав её членов экстремистами и неофашистами (The rise of the anti-immigrant ... 2014). В декабре 2014 года семь из восьми представленных в Риксдаге партий заключили действующее до следующих парламентских выборов соглашение, целью которого стало лишение Шведских демократов какого-либо политического влияния в парламенте. Помимо этого, известны случаи настоящего преследования в отношении членов партии, некоторые из которых из-за своих политических взглядов лишились работы или были исключены их профсоюзов (Taylor 2015, 26).

Причиной такой неприязни можно считать нежелание шведских политиков хоть немного отступить от сложившегося имиджа Швеции как гуманитарной сверхдержавы. Толерантность, политкорректность и приверженность политике мультикультурализма являются на сегодняшний день неотъемлемой частью шведской идентичности, а обсуждение тем, так или иначе связанных с негативными сторонами и последствиями иммиграции, стало негласным табу. Джеймс Трауб, автор статьи «Смерть самой щедрой страны в мире», пишет о существующем в шведском языке выражении, которое можно дословно перевести как «коридор мнений» (швед. *asiktskorridor*). Под «коридором» понимаются границы, за которые не принято выходить при обсуждении тех или иных тем. Например, в качестве примера автор приводит слова бывшего дипломата Дианы Янсе, ныне работающей старшим советником по внешней политике в Умеренной партии. По её словам, элементарный вопрос о том, сможет ли сегодня Швеция интегрировать афганцев, как 20 лет назад она интегрировала боснийцев, может вызвать обвинения в расизме (Traub 2016). Сами Шведские демократы неоднократно заявляли, что попытки шведских политиков навязать стране некие туманные идеалы служения общей гуманитарной цели выглядят по меньшей мере странно. Избранная власть, по словам представителей партии, должна служить интересам своего народа, а не мировому сообществу (Taylor 2015, 9). Также, в пику членам правящей коалиции, Шведские демократы неоднократно подчёркивали их оторванность от проблем реальной жизни в сферах образования, медицины и безопасности, с которыми ежедневно сталкиваются рядовые шведские граждане, испытывая на себе последствия массовой иммиграции.

В целом, будущее иммиграционной политики Швеции во многом будет зависеть от умения партий договориться между собой. Несмотря на вынужденную отстранённость Шведских демократов от активного участия в принятии важных стратегических решений, неоспоримым остаётся тот факт, что на политической арене Швеции появилась новая сила, с которой необходимо считаться.

2.2. Иммиграционная политика и церковь

Церковь Швеции (швед. *Svenska kyrkan*) является самой многочисленной христианской общиной в Швеции и крупнейшей лютеранской церковью в мире, среди её прихожан числится 6.2 миллиона человек, что составляет более 60% от общего числа

населения (Christian Council of Sweden). Основанная в 1593 году, евангелическо-лютеранская церковь Швеции на протяжении веков была важным органом государственного управления, чьи полномочия не ограничивались одной лишь духовной сферой. Церковь, в первую очередь, являлась форумом, на котором обсуждались внутригосударственные вопросы, а также устанавливались социальные и культурные нормы и правила, по которым жило не одно поколение шведов (Jänträ-Jareborg 2010, 671). На протяжении веков церковь была неотделима от государства, однако последовавшие за окончанием Второй мировой войны годы привнесли много нового в устройство шведского государства. Бурный экономический рост наравне с улучшением стандартов жизни заложили основы для создания модели всеобщего благоденствия, в результате чего социальная значимость церкви заметно уменьшилась, а сама религия стала восприниматься как нечто, имеющее отношение к сугубо личной жизни человека. Контроль над такими сферами общественной жизни, как здравоохранение, образование и социальное обеспечение отныне перешли в сферу полномочий государства. В январе 2000-го года произошло официальное отделение церкви от государства, с этого момента церковь перестала восприниматься как один из органов государственного управления и получила статус независимой и добровольной организации, чья деятельность направлена на укрепление основ нравственности в государстве (Jänträ-Jareborg 2010, 672).

В современном шведском обществе религия занимает далеко не центральное место. Согласно Глобальному индексу религиозности и атеизма (The Global Index of Religiosity and Atheism 2012, 10), только 29% шведов считают себя верующими и лишь 8% из них регулярно посещают церковные службы (10 Fundamentals of Religion ... 2017). Несмотря на постепенную секуляризацию общества, церковь продолжает играть важную роль в общественной жизни страны и занимает активную позицию по многим спорным вопросам, включая миграцию и гендерное равенство. С одной стороны, это связано с тем, что церковь стремится идти в ногу со временем и своевременно отвечать на текущие запросы общества. Для большинства шведов темы либерализма, толерантности и равноправия являются актуальными и требующими внимания. Церковь, в свою очередь, толкует их с точки зрения библейских истин и перекладывает на канву современности.

С другой стороны, так называемый «церковный социализм» можно объяснить зависимостью церкви от внутривластного курса страны (Церковные выборы ... 2013). Дело в том, что вопреки официальному разделению церкви и государства,

правящая партийная коалиция продолжает активно участвовать в жизни церкви. Это связано с тем, что представители политических партий имеют право участвовать в церковных выборах и занимать места в Генеральной ассамблее, которая считается главным законодательным органом шведской церкви. Под общенациональными церковными выборами понимаются выборы в церковно-приходские советы, советы епархий и Генеральную ассамблею. Выборы проходят раз в четыре года и во многом напоминают выборы в парламент. Правом голоса обладает любой гражданин Швеции, достигший 16-летнего возраста (Генеральная ассамблея ... 2011). Избранные представители принимают решения на местном, региональном и общенациональном уровне. Важность стоящих на повестке дня вопросов прямо пропорциональна уровню, на котором происходит обсуждение. Например, если в рамках приходского совета обсуждаемые темы будут связаны с работой церковного хора или воскресной школы для детей, то совет епархий будет заниматься такими вопросами, как реставрация храмов или культурное наследие. Поскольку Генеральная ассамблея занимает центральное место в церковной иерархии, её первостепенной задачей является определение официальной позиции шведской церкви по ряду внутрисосударственных и международных вопросов, начиная от гендерного равноправия и заканчивая дискуссиями о климатических изменениях в мире.

Генеральная ассамблея состоит из клириков и мирян, последние из которых в большинстве своём представлены различными политическими партиями. Исторически сложилось, что социал-демократическая трудовая партия пользуется среди населения наибольшей поддержкой. Во время последних выборов, прошедших в 2013 году, социал-демократы в очередной раз заняли первое место по количеству набранных голосов (30% от общего числа) (Slutgiltigt resultat ... 2013). Генеральная Ассамблея собирается раз в год, обсуждение проходит в две сессии общей протяжённостью в десять дней. Первая сессия считается подготовительной, во время второй делегаты принимают окончательные решения. Во время заседания Ассамблеи избранные делегаты должны определиться с официальной позицией церкви по ряду принципиальных и зачастую спорных вопросов, будь то венчание однополых пар или женское священство (Генеральная ассамблея ... 2011).

Поскольку иммиграция была и остаётся неотъемлемой частью шведской реальности, миграционный вопрос является одним из приоритетных для современной

шведской церкви. Помимо христианских принципов милосердия и заботы о ближнем, существует и скрытый политический подтекст. Поскольку социал-демократы представляют в Ассамблее абсолютное большинство, можно предположить, что осуществляемый партией либеральный курс в отношении иммиграционной политики во многом повлиял на официальную позицию церкви по данному вопросу. На фоне миграционного кризиса последних лет, именно церковь Швеции стала одним из самых ярких сторонников либерализации иммиграционной политики в отношении беженцев. Примером этому могут послужить высказывания некоторых влиятельных церковных лидеров.

Нима Голам Али Пур (Nima Gholam Ali Pour) в своей статье «Швеция: кому в действительности служат христианские лидеры?» (Sweden: Who Do Christian Leaders Serve?), рассказывает о деятельности небезызвестного в Швеции христианского пастора Стефана Сварда (Stefan Swärd), который высказался по поводу иммиграционной ситуации следующим образом (Kristna hör inte hemma ... 2014):

Будучи христианами, мы должны работать над созданием щедрой иммиграционной политики в отношении беженцев. Совместная работа различных церквей и конгрегаций Швеции должна стать хорошим примером интеграции в действии, когда люди с разным происхождением и корнями могут собраться вместе для достижения общей цели.

В 2014 году по его инициативе была составлена петиция, которую подписали 380 представителей различных церквей и религиозных движений Швеции (380 pastorer ... 2014). Среди прочего в петиции утверждалось, что иммиграционная политика шведского государства не является достаточно открытой. В своей недавней книге под названием «Иисус тоже был беженцем» (швед. «Jesus var också flykting»), Стефан Свард стремится ответить на следующий вопрос: «Что думает Бог о мировом миграционном кризисе и шведской иммиграционной политике в частности?». Если следовать рассуждениям автора, то богатые и развитые страны должны активно поддерживать открытую иммиграционную политику, поскольку располагают необходимыми для этого средствами и возможностями. Что касается Швеции, то в стране вообще не должно существовать никаких иммиграционных ограничений (Swärd and Grenholm 2016).

В целом, Стефан Свард является далеко не единственным представителем церкви, который трактует сложившуюся в Швеции иммиграционную ситуацию подобным

образом. Например, Антье Якелен, архиепископ Уппсалы и глава Церкви Швеции, в одном из интервью критически высказалась по поводу ужесточения законодательных мер в отношении прибывающих в страну беженцев. Как утверждает Антье Якелен, Иисус не одобрил бы новый курс иммиграционной политики, к которому правительство Швеции решило прибегнуть в связи с иммиграционным кризисом 2015 года (Ärkebiskopen kritisk ... 2016). По её словам, Библия рассказывает нам множество поучительных историй о нуждавшихся беженцах (включая самого Иисуса), поэтому не стоит забывать, что помощь ближнему является одной из центральных тем Ветхого и Нового Завета.

Поскольку Церковь Швеции является ярким сторонником либерализации иммиграционной политики, то наибольший резонанс в церковных кругах вызвал законопроект 2016 года (New law that affects ... 2016), в рамках которого в течение последующих трёх лет было решено прекратить выдачу постоянных видов на жительство, заменив их временными, а также наложить определённые ограничения на участие в программе по восстановлению семьи. В качестве ответной реакции 13 епископов во главе с архиепископом шведской церкви направили правительству коллективное прошение, в котором изложили свою точку зрения по данному вопросу (Svenska kyrkan). По их мнению, практика выдачи временных видов на жительство не улучшит, а лишь усугубит текущую иммиграционную обстановку. Во-первых, это станет дополнительным стрессом и испытанием для тех, кто и так претерпел немало лишений и страданий. Во-вторых, у людей просто будет отсутствовать дальнейшая мотивация, столь необходимая для успешной интеграции в шведское общество. В целом, суммируя основные положения прошения, можно выделить следующие ключевые моменты:

- Церковь Швеции ожидает разъяснений относительно временного характера введённых мер, а именно: когда и при каких условиях действие закона будет приостановлено, а также каким образом будут соблюдены права тех, кого он затрагивает;
- Церковь Швеции убеждена, что существуют гораздо более эффективные и гуманные способы повлиять на иммиграционную политику, осуществляемую в отношении беженцев остальными странами-участницами ЕС;

- Церковь Швеции подвергает сомнению оценку шведского правительства, согласно которой текущая иммиграционная обстановка в стране угрожает общественному порядку и внутренней безопасности;
- Церковь Швеции убеждена, что новый законопроект вступает в противоречие с основными положениями, установленными Комитетом ООН по правам ребёнка;
- Церковь Швеции обеспокоена последствиями ужесточения правил в отношении воссоединения семей, поскольку это негативно скажется на интересах несовершеннолетних детей;
- В связи с этим Церковь Швеции призывает провести дополнительную оценку воздействия данных мер на женщин и детей. (Svenska kyrkans remissvar ... 2016)

Данное прошение является далеко не единственным примером активной деятельности церкви в сфере иммиграции. На официальном портале Церкви Швеции существует отдельный раздел, в котором размещены официальные документы и прочие публикации, посвящённые теме беженцев. Например, среди них можно найти брошюру под названием «Мы хотим!» (We want to!), составленную рабочей группой по делам миграции и интеграции Христианского Совета. Христианский Совет является местом встречи для представителей двадцати шести христианских деноминаций Швеции и служит своеобразным связующим звеном между церковной деятельностью и работой различных министерств Швеции (Christian Council of Sweden). В брошюре представлена официальная позиция христианской церкви по вопросам иммиграции и интеграции, каждый её пункт подкреплён соответствующими ссылками на официальные документы ООН и цитатами из Библии. Среди основных её положений:

1. *Все люди созданы по образу и подобию Божию и имеют право на достойную жизнь.* Здесь речь идёт преимущественно о нелегальных иммигрантах, а также тех, кто не получил вид на жительство и ожидает депортации из страны. Церковь призывает смягчить условия содержания таких людей, а также облегчить для них процедуру получения вида на жительство в Швеции, принимая во внимание выпавшие на их долю испытания. В отношении тех, кто будет депортирован, необходимо проявить большую долю сочувствия и принять активное участие в дальнейшей судьбе этих людей. Например, отказаться от практики возвращения

- в первую страну ЕС в рамках Дублинского соглашения, если у страны-реципиента отсутствует должная система приёма и распределения беженцев.
2. *Фундаментальные права и свободы относятся ко всем людям без исключения.* Церковь призывает проявлять радушие и доброту ко всем беженцам, вне зависимости от их религии, национальности и страны происхождения. Также в данном пункте говорится о необходимости уделить особое внимание наиболее уязвимым категориям беженцев, к которым относятся женщины, дети и нелегальные иммигранты, последним из которых следует предоставить все те же права, что и остальным гражданам шведского общества.
 3. *Ситуация с детьми требует отдельного внимания.* Принимая во внимание, что несовершеннолетние дети и подростки являются приоритетной группой беженцев, то церковь ещё раз подчёркивает необходимость рассматривать каждый отдельный случай с особой тщательностью.
 4. *У семей должно быть право на воссоединение.* Согласно данному положению, у всех беженцев, получивших вид на жительство в Швеции, должна быть возможность воссоединиться со своими родственниками. Более того, процесс рассмотрения подобных дел должен быть ускорен.
 5. *Каждый несёт ответственность за то общество, в котором мы живём.* Все жители Швеции должны разделить ответственность за интеграцию новых членов общества, предоставив им равные трудовые условия и возможности для образования. В первую очередь, это поможет преодолеть языковую и культурную изоляцию, в которой оказываются многие приехавшие в страну беженцы, а также разорвёт порочный круг насилия, порождённый социальной исключённостью тех, кто проживает в так называемых «гетто» - неблагополучных районах для иммигрантов.
 6. *Наша цель – это мир, справедливость и устойчивое развитие.* Следует помнить, что интеграция – это взаимный процесс обучения и понимания, а миграционная политика отдельно взятой страны является частью глобального плана развития, нацеленного на соблюдение прав человека и поддержания мира на земле. (This Is What We Want 2016)

Помимо различных публикаций и участия в работе форумов, церковь оказывает реальную помощь беженцам. Если говорить о международном уровне, то основная церковная деятельность связана с оказанием материальной и психологической помощи на месте, то есть в тех странах, где разразился кризис. Как правило, речь идёт о Сирии, Ираке и регионе северо-восточной Африки (Svenska kyrkan). На местном уровне Церковь Швеции вовлечена в различные виды деятельности, направленные на скорейшую интеграцию беженцев в шведское общество. Во-первых, каждый церковный приход предлагает для детей и взрослых курсы шведского языка, а также разнообразные социально-культурные мероприятия. Это может быть экскурсия, кулинарные курсы, спортивная секция, кружок по интересам и так далее. Основная цель – раскрепостить людей и внушить им чувство безопасности.

Помимо этого, церковь оказывает психологическую помощь и помогает справиться со стрессом, вызванным переездом в чужую страну. Например, среди вспомогательных материалов, опубликованных на официальном сайте церкви, можно скачать памятку, в которой описаны приёмы, которые помогут справиться с психологической нагрузкой и не растеряться в новой для себя обстановке. Наконец, если беженец нуждается в бесплатной консультации профессионального юриста по вопросам получения убежища или воссоединения с семьёй, то он может обратиться в Шведский консультационный центр для беженцев (швед. Rådgivningsbyrån för asylsökande och flyktingar). Центр осуществляет свою деятельность начиная с 1991 года и является некоммерческой организацией, деятельность которой контролируют Церковь Швеции, Епархия Стокгольма, а также международные организации «Спасём детей» (Save the Children) и «Каритас» (Caritas).

Представители церкви убеждены, что существует множество способов помочь беженцам на местном уровне, поэтому призывают волонтёров принимать активное участие в работе церкви. Например, можно посещать языковые кафе и прочие культурные мероприятия; жертвовать деньги, одежду, продукты питания и предметы гигиены; стать новым другом и хорошим слушателем для тех, кто недавно приехал в Швецию; поделиться своим опытом и знаниями в таких областях, как образование, здравоохранение и юриспруденция.

В целом, можно сказать, что церковь является влиятельным участником иммиграционного процесса. Будучи активно вовлечённой в обсуждение

иммиграционного законодательства, а также работу по интеграции беженцев, роль современной церкви уже давно не ограничивается одной лишь духовной сферой и скорее напоминает деятельность некоммерческой организации.

3. ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ШВЕЦИИ

Главная цель интеграционной политики Швеции состоит в том, чтобы «обеспечить равные права, обязанности и возможности для всех, вне зависимости от их этнического и культурного происхождения» (Swedish integration policy 2009, 1). Поскольку власти Швеции придерживаются политики мультикультурализма, то представители различных этнических меньшинств воспринимаются не как иностранцы или «аутсайдеры», а являются активными участниками интеграционного процесса (Algan et al 2014, 5). Основные задачи интеграции в значительной степени связаны с такими практическими вопросами, как социальные льготы, трудоустройство, размещение и изучение шведского языка (Andersson and Weinar 2014). Отдельной и более сложной темой является сегрегация и социальная изоляция приезжих, особенно заметная в кварталах на окраинах Стокгольма, Мальмё и Гётеборга, более известных как иммигрантские гетто. В целом, на данный момент можно выделить семь ключевых областей интеграционной политики, которые являются наиболее приоритетными для шведского государства. Среди них:

1. быстрый адаптационный период приезжих;
2. трудовая интеграция;
3. успешная учебная интеграция и хорошая успеваемость в школе;
4. уверенное знание шведского языка и возможности для дополнительного образования;
5. эффективные антидискриминационные меры;
6. борьба с социальной исключённостью иммигрантов;
7. общие ценности для всех граждан мультикультурного шведского общества.

На сегодняшний день шведская интеграционная модель считается одной из самых открытых и либеральных среди всех стран-участниц ОЭСР (Andersson and Weinar 2014). Также, согласно показателям Индекса политики интеграции мигрантов (Migrant

Integration Policy Index, сокр. MIREX), Швеция занимает лидирующее место среди 38 участвующих в исследовании государств как страна, в которой созданы максимально благоприятные интеграционные условия. Исследование охватывает такие области, как доступ к рынку труда, воссоединение с семьёй, участие в политической жизни страны, получение гражданства, антидискриминационные меры, здравоохранение и образование. По сравнению с другими европейскими государствами, практически все приезжающие в Швецию иммигранты, страной происхождения которых не является ЕС, получают те же социальные, экономические и демократические права и свободы, что и остальные граждане Швеции (MIREX 2014).

Несмотря на это, на сегодняшний день наблюдается явное несоответствие между показателями мировых рейтингов и реальной ситуацией. Согласно мнению бывшего министра по вопросам интеграции Эрика Уленхага (Erik Ulenhag), правда состоит в том, что первое место в индексе MIREX вовсе не означает, что интеграционная модель Швеции не имеет проблем. По его словам, Швеции просто не хватило ресурсов, чтобы эффективно ответить на все вызовы иммиграционного кризиса 2015-го года. Действующая на момент кризиса интеграционная программа 2010-го года не была рассчитана на такое большое число беженцев, что привело к фактической нехватке жилья и ряду других серьёзных проблем. Например, в конце 2014 года количество участников, принявших участие в двухлетней интеграционной программе, составило 42 000 тысячи человек, в то время как количество вакантных мест равнялось 16 000 тысячам (Sweden: A good integration policy ... 2015).

Согласно ежегодному национальному докладу, интеграционную политику Швеции сложно назвать успешной (Sweden Report 2016, 19). Если сравнить Швецию с другими ведущими странами-реципиентами иммигрантов, то с наибольшим количеством сложностей приезжие сталкиваются в таких сферах, как образование и трудоустройство. Стоит отметить, что данная проблема не является следствием недостаточной политической или экономической вовлечённости и поддержки со стороны государства (Sweden Report 2016, 19). Наоборот, власти Швеции придерживаются открытого и щедрого во всех смыслах этого слова иммиграционного курса – начиная от количества беженцев, которых страна с готовностью принимает из года в год, и заканчивая связанными с этим финансовыми издержками. Например, по итогам 2015 года бюджетом было выделено 6 миллионов евро на интеграцию

прибывших беженцев, что составило 1,35% от ВВП страны (Migration Policy Debates 2017, 2).

Если взглянуть на проблему с политической точки зрения, то осуществляемые интеграционные меры пользуются серьёзной поддержкой правящей коалиции, а также являются одной из приоритетных задач для Министерства по делам интеграции и гендерного равенства. Несмотря на подобные усилия со стороны государства, интеграционные показатели в сферах образования и трудоустройства продолжают оставаться одними из самых низких по сравнению с остальными странами-участницами ОЭСР (Working Together: Skills and Labour ... 2016). Стоит отметить, что данная тенденция не является чем-то новым и отмечается в ежегодных докладах ОЭСР по Швеции на протяжении длительного промежутка времени. Таким образом, можно утверждать, что в современной интеграционной политике шведского государства имеются очевидные проблемы, первопричина которых кроется в самой структуре интеграционной модели и методах её реализации на практике.

В связи с резким увеличением числа беженцев в 2015 году, на сегодняшний день возникло немало вопросов касательно способности Швеции успешно интегрировать столь большое количество новых граждан. Сможет ли недавний иммиграционный бум повлиять на стабильность и благосостояние шведского государства в долгосрочной перспективе? Какие последствия миграционный кризис последних несёт для рынка труда и образовательной системы Швеции? Безусловно, что развёрнутые ответы на эти вопросы удастся получить лишь с течением времени, однако уже сейчас можно говорить о существовании ряда проблем в сферах образования и трудоустройства, поскольку изначально именно они являлись наиболее уязвимыми местами интеграционной модели Швеции.

3.1. Проблемы интеграции в сферах трудоустройства и образования

Национальный состав современной Швеции весьма неоднороден, большую долю населения составляют не этнические шведы, а граждане иностранного происхождения. Во многом это является результатом сложившейся многолетней традиции оказывать помощь тем, кто ищет убежище по гуманитарным причинам. По состоянию на 2014 год, около 16% жителей Швеции были рождены за рубежом, ещё у 5% оба родителя

родились в другой стране (Sweden and Migration 2017). В 2015 году в страну прибыло почти 163 000 тысячи беженцев, что в два раза превысило показатели прошлого года. На данный момент иммиграционный бум, с которым Швеция столкнулась в 2015 году, является абсолютным рекордом среди остальных стран-участниц ОЭСР и единственным случаем за всю историю организации, когда ежегодные иммиграционные показатели в какой-либо из стран ОЭСР достигли таких высоких цифр (Working Together: Skills and Labour ... 2016, 29).

Необходимо отметить, что помимо давней традиции предоставлять убежище беженцам по гуманитарным причинам, шведское правительство воспринимает иммигрантов как ценный трудовой ресурс (Sweden Policy Brief 2015). Ещё в послевоенные годы Швеция стала новым домом для десятков тысяч добровольных и вынужденных переселенцев, которые приняли непосредственное участие в создании государства всеобщего благоденствия и восполнили существующий тогда дефицит рабочих рук. На сегодняшний день, учитывая сокращение показателей рождаемости и проблему быстро стареющего населения, постоянный приток иммигрантов по-прежнему имеет большое значение для экономического развития Швеции. Так, в апреле 2015-го года государственная служба занятости опубликовала доклад, в котором роль иммиграции рассматривалась с точки зрения потенциальной выгоды и будущих перспектив для рынка труда. Согласно исследованию, ежегодно страна нуждается в 64 000 тысячах новых иммигрантов трудоспособного возраста (от 16 до 64 лет), способных компенсировать естественную убыль населения в условиях низкой рождаемости. В докладе также отмечено, что иммигранты с высшим, а также законченным средним образованием имеют гораздо больше шансов трудоустроиться, чем те, кто не закончил школу или не имеет какой-либо рабочей квалификации. (Rapport från Arbetsförmedlingen 2015)

Разумеется, высококвалифицированные кадры являются приоритетной группой среди остальных иммигрантов, однако в Швеции отсутствуют строгие критерии отбора или балльные системы, подобные тем, которые существуют в Канаде или Австралии. К тому же в течение последних лет основной иммиграционный прирост происходит за счёт беженцев, среди которых встречаются люди с самым разным уровнем образования. В целом, подобное позитивное отношение к иммиграции и восприятие её как одного из условий экономического успеха и растущего благосостояния государства во многом

связано с успешным опытом прошлых лет. Иммиграционная история шведского государства доказала, что ранние и эффективные меры по интеграции беженцев в долгосрочной перспективе обязательно принесут положительные результаты. Например, около 24% практикующих в Швеции докторов родились и получили образование за рубежом, однако на сегодняшний день успешно интегрировались в шведское общество и получили возможность трудиться по специальности (Sweden Policy Brief 2015). Подобный пример является доказательством того, что при условии своевременной поддержки и инициативы со стороны государства у многих специалистов есть возможность подтвердить свою квалификацию, принять участие в интеграционной программе и в дальнейшем успешно трудиться по своей специальности.

В связи с тем, что в течение последних лет в Швеции был зафиксирован значительный иммиграционный скачок, вопрос о трудовой интеграции прибывших в страну беженцев стоит сейчас особенно остро. В целом, за долгие годы реализации так называемой политики открытых дверей страна накопила значительный опыт в сфере интеграции. Тем не менее, фактическая нехватка ресурсов во время миграционного кризиса 2015 года уже успела не самым лучшим образом отразиться на эффективности дальнейшего интеграционного процесса. Например, в одном из докладов ОЭСР отмечено, что нехватка муниципального жилья на самом начальном этапе привела к тому, что многие иммигранты смогли присоединиться к интеграционной программе гораздо позже, чем того требуют установленные правила.

На сегодняшний день можно утверждать, что дефицит муниципального жилья стал одной из главных проблем, с которой столкнулись власти Швеции в самом начале миграционного кризиса (Sweden in a strong position ... 2016). Дело в том, что сложности с расселением повлекли за собой целый ряд неблагоприятных последствий. Во-первых, в течение периода рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища (в 2015 году его максимальная продолжительность составляла 250 календарных дней), беженцы не имеют права участвовать в двухлетней интеграционной программе (Working Together: Skills and Labour ... 2016, 18). Во-вторых, действительный срок ожидания занимал гораздо больше времени, поскольку те, кто в итоге получил постоянный или временный вид на жительство, были вынуждены ожидать дальнейшего расселения по муниципалитетам. Помимо того, что трудности с расселением были вызваны фактической нехваткой жилых мест, слабый уровень взаимодействия между

муниципалитетами и государственной службой занятости способствовал ещё большему затягиванию процесса. Так как до недавнего времени муниципалитеты имели право самостоятельно решать, какое количество беженцев они готовы принять, то зачастую местные власти стремились установить минимальный порог приёма или же полностью свести его к нулю. В целом, совокупность всех этих факторов привела к тому, что начало интеграционного процесса для многих иммигрантов было отложено на неопределённое время. Поскольку основная идея двухлетней интеграционной программы заключается в том, что по её окончании иммигранты достаточно освоились в новой для себя среде и готовы приступить к работе или учёбе, то последствия подобного затягивания неминуемо повлияют на дальнейшую трудовую интеграцию тех, кто прибыл в Швецию на пике миграционного кризиса 2015 года.

Двухлетняя интеграционная программа считается краеугольным камнем всей интеграционной политики страны. Её целевой группой являются беженцы и их дети, получившие вид на жительство в Швеции по гуманитарным причинам (*Working Together: Skills and Labour ... 2016, 14*). В течение двух лет участники программы посещают интенсивные курсы шведского языка, а также дополнительные занятия по социальному ориентированию, во время которых знакомятся с историей, традициями и государственным устройством страны. Главным координатором программы выступает служба занятости, в то время как муниципалитеты занимаются её реализацией на местах, в частности, организуют языковые курсы (*New policy for the introduction ... 2010, 1*). В рамках интеграционной программы участники не только посещают разнообразные языковые и культурные мероприятия, но и составляют так называемый индивидуальный план адаптации.

Под планом адаптации подразумевается составленный в письменной форме документ, в котором отражены цели, которые иммигрант ставит перед собой на ближайшие два года, в течение которых длится программа. У каждого участника есть личный инструктор по адаптации, в чьи обязанности входит помощь в составлении плана, а также консультирование и решение любых вопросов, связанных с участием в программе (*New policy for the introduction ... 2010, 2*). В план адаптации можно, например, вписать такие пункты, как курс шведского языка для иностранцев, изучение основ социального ориентирования, оценка образования и профессионального опыта, а также практика. Указанные в плане мероприятия должны быть рассчитаны на полный

рабочий день и продолжаться во времени не более двух лет. Это нацелено на то, чтобы можно было быстрее выучить шведский язык и найти работу, дающую материальную независимость (О Швеции 2012, 14).

Согласно данным ОЭСР, основная проблема, которая возникает при реализации данной программы, заключается в том, что по её окончании большая часть беженцев не является вовлеченной в какую-либо учебную или трудовую деятельность. Одним словом, «выпускники» программы не выходят на работу, не приступают к учёбе и продолжают жить на государственные пособия. Например, в 2015 году среди тех, кто завершил участие в программе годом ранее, только 11% мужчин и 5% женщин смогли самостоятельно найти работу. Ещё 25% мужчин и 10% женщин устроились на субсидируемые государством рабочие места. В случае тех беженцев, чей уровень образования оказался ниже среднего, показатели были ещё более удручающими (Working Together: Skills and Labour ... 2016, 21). В связи с этим можно сделать вывод, что интеграционный путь занимает гораздо больше времени, нежели два года, и требует более гибкого индивидуального подхода. Например, следует уделить особое внимание тем беженцам, у которых отсутствует необходимый образовательный минимум. Несмотря на то, что все муниципалитеты предлагают курсы дополнительного образования для взрослых, большая их часть ориентирована на получение самых базовых рабочих навыков, которые могут понадобиться на временных должностях. Ввиду краткосрочности подобных курсов, учащиеся не успевают приобрести должные знания и умения, необходимые для дальнейшей трудовой интеграции на шведском рынке труда, отличительной чертой которого является высокие требования, предъявляемые к соискателям.

В целом, отсутствие необходимого образовательного минимума у беженцев, прибывших в страну в течение последних лет, считается серьёзным вызовом для интеграционной политики шведского государства. Например, многие беженцы приехали из стран со слабо развитой образовательной системой (Sweden Policy Brief 2015), а у кого-то просто не было возможности посещать школу в силу внешних, независящих от них причин. Недавний экономический обзор, посвящённый положению иммигрантов на шведском рынке труда, показал, что одной из главных причин высокой безработицы среди беженцев является недостаточный уровень образования в сочетании с низким уровнем грамотности (OECD Economic Surveys: Sweden 2017, 38).

По состоянию на 2015 год примерно у одной трети прибывших в страну беженцев отсутствовало законченное среднее образование (*Working Together: Skills and Labour ... 2016, 19*). С учётом того, что в промежутке с 2004 по 2014 год, то есть за десять лет до гуманитарного кризиса 2015 года, в Швецию уже прибыло большое число беженцев в возрасте 20-64 лет с низким уровнем образования, большое число низкоквалифицированной рабочей силы начинает представлять серьёзную угрозу для экономического благополучия государства в долгосрочной перспективе. Дело в том, что шведский рынок труда ориентирован в первую очередь на специалистов с высокой квалификацией (*Attracting highly qualified ... 2013*). Помимо этого, в Швеции широко развито автоматизированное производство и многие предприятия, нуждавшиеся раньше в ручном труде, давно используют автоматизированное оборудование. Поскольку на сегодняшний день число вакантных рабочих мест, предназначенных для соискателей с минимальными трудовыми навыками, составляет лишь 5%, то десятки тысяч беженцев продолжают оставаться без работы, поскольку просто не выдерживают конкуренции на местном рынке труда (*Working Together: Skills and Labour ... 2016, 20*).

Несмотря на все усилия со стороны шведского государства, проблема трудовой интеграции остаётся актуальной и для высококвалифицированных рабочих кадров. На сегодняшний день процент безработных среди беженцев с высшим образованием лишь немногим ниже по сравнению с теми, у кого отсутствует минимальное среднее образование (*Working Together: Skills and Labour ... 2016, 25*). Основная сложность заключается в том, что диплом о профессиональном образовании, полученный за рубежом, не является достаточным основанием для того, чтобы соискатель незамедлительно получил работу в Швеции. Любые учебные свидетельства и квалификации, полученные беженцами у себя на родине, требуют подтверждения со стороны принимающего государства, а этот процесс может занимать очень много времени. Например, с особыми сложностями сталкиваются работники медицинской сферы. Семь лет требуется врачу, получившему образование вне ЕС, на получение шведского документа на право заниматься врачебной практикой в Швеции (*Долгий путь иностранных ... 2015*). Очевидно, что подобное положение дел создаёт немало проблем как для самих соискателей, так и для работодателей. Во-первых, долгий процесс ожидания приводит к тому, что многие высококвалифицированные кадры вынуждены работать на должностях, предназначенных для низкоквалифицированной рабочей силы,

в то время как их реальная квалификация постепенно обесценивается. Во-вторых, с немалыми сложностями сталкиваются и сами работодатели. В том случае, если иммигрант наконец получает подтверждение своего диплома и трудового стажа, работодателю по-прежнему сложно оценить его действительную трудовую компетенцию до того, как он примет его на работу.

Для того, чтобы преодолеть эти сложности, шведское правительство постановило разработать эффективную программу, целью которой должно стать быстрое трудоустройство иммигрантов в соответствии с их уровнем образования и трудовым опытом. Таким образом, в марте 2015 года был положен старт новому проекту, получившему название Fast Track и призванному стать неотъемлемой частью реорганизации современной политики трудовой интеграции. Программа была разработана государственной службой занятости совместно с предприятиями, представляющими различные сектора шведского рынка, в которых наблюдается дефицит узких специалистов. По словам все той же Ильвы Йоханссон (2015), время является одним из важнейших факторов, влияющих на успех интеграции, потому что если у человека нет возможности трудиться по специальности, то с течением времени его профессиональные навыки и накопленный опыт имеют свойство обесцениваться. Суть программы заключается в том, что параллельно с изучением шведского языка и посещением курсов повышения квалификации, у иммигрантов есть право работать по специальности и на деле доказать свою профпригодность. Помимо этого, у них появляется возможность завязать полезные рабочие контакты, изучить профессиональный шведский язык, связанный с определённой терминологией, применяющейся в той или иной области знаний, а также понять основные принципы и законы, по которым функционирует местный рынок труда.

На данный момент в программе могут принять участие работники медицинской сферы, социологи, экономисты, юристы, социальные работники, педагоги старших классов и учителя начальной школы, а также повара. Выбор профессий не является случайным, именно в этих сферах занятости наблюдается наибольший дефицит рабочих кадров. Например, медицинские работники являются одними из самых востребованных на современном шведском рынке труда. Программа предусматривает вакантные места для двадцати одной специальности в сферах здравоохранения и медицинского ухода, среди которых наибольшую ценность представляют доктора, медсёстры, дантисты и

фармацевты (Fast track - a quicker introduction ... 2015). Таким образом, Fast Track можно во много назвать индивидуальной программой, которая концентрируется на каждом отдельном участнике, предоставляя ему все необходимые условия для того, чтобы путь в профессию занял как можно меньше времени. Работодатели могут напрямую оценить профессиональные умения иммигрантов, даже если при этом они не успели выучить шведский язык на должном уровне. Например, у поваров есть возможность продемонстрировать свои навыки на родном для них языке. Таким образом, суждения о трудовой компетенции иммигранта выносятся на основании его реального опыта, а не знания шведского или страны происхождения.

Практическая ценность программы стала очевидна уже во время миграционного кризиса 2015 года. Дело в том, что в связи с большим количеством несовершеннолетних детей и подростков, приехавших в Швецию в течение последних лет из самых разных стран мира, появилась острая нехватка педагогов, которые бы владели родным языком учащихся, в результате чего государственная служба занятости в сотрудничестве с университетами Швеции создала 500 вакантных учебных мест для повышения квалификации тех беженцев, кто получил на родине педагогическое образование, в 2015 году их число составило 1500 человек (Working Together: Skills and Labour ... 2016, 188). Во время обучения основной упор был сделан на изучение основ педагогики, принятых в шведских школах, а также языковой тренинг. В будущем участники курсов смогли работать по специальности в школах четыре дня в неделю, а ещё один день посвящать посещению курсов шведского языка.

Помимо проблем, с которыми сталкиваются разные группы беженцев в зависимости от своего уровня образования, существуют общие тенденции, обусловленные особенностями ситуации на местном рынке труда. Во-первых, в Швеции практически отсутствует безработица. По состоянию на 2015 год процент занятости среди местного населения оказался одним из самых высоких среди остальных стран ОЭСР и составил 78.5%, в то время как показатели по безработице равнялись всего лишь 5.5% (OECD Native-born employment rate, 2015). Учитывая высокое число проживающих в Швеции беженцев и членов их семей, неудивительно, что им чрезвычайно сложно трудоустроиться в условиях подобной конкуренции. Например, в 2015 году безработица среди граждан иностранного происхождения равнялась 16.2% (OECD Foreign-born unemployment, 2015). Во-вторых, информация о свободных вакансиях как правило

передаётся из уст в уста через друзей, знакомых, родственников и бывших работодателей, которые играют важную роль в поиске работы. Согласно данным ОЭСР, примерно две трети вакансий заполняются за счёт подобных знакомств (*Working Together: Skills and Labour ... 2016*, 26). С учётом того, что у недавно прибывших в страну беженцев просто отсутствуют подобные контакты, в поиске работы они могут полагаться только на службу занятости, которая, в свою очередь, зачастую не осведомлена о существовании вакантных мест, поскольку они предлагаются в рамках закрытого конкурса.

Наконец, третьей проблемой, мешающей успешной трудовой интеграции, является дискриминация. Несмотря на то, что одной из особенностей современного шведского общества является его мультикультурность, а политкорректность прививается ещё в раннем детском возрасте, недавние исследования показали, что определённая доля дискриминации при найме на работу всё же присутствует, в частности, на предприятиях малого и среднего бизнеса. Парадокс заключается в том, что согласно опросам самих иммигрантов, большая их часть не чувствует какой-либо социальной несправедливости и не ощущает, что их трудовые права каким-либо образом ущемлены (*Working Together: Skills and Labour ... 2016*, 27).

Таким образом, можно прийти к выводу, что трудовая дискриминация скорее является завуалированным и глубинным явлением, следовательно, с ней сложнее бороться. Одним из предложенных решений может стать более тесное взаимодействие между социальными службами и предприятиями. Например, для работодателей можно организовать специальные консультации, в ходе которых сотрудники службы занятости расскажут, как изменить действующие условия приёма на работу для граждан иностранного происхождения и избежать скрытых форм дискриминации, а также как с наибольшей выгодой для предприятия использовать трудовые навыки иммигрантов.

Поскольку в 2015 году Швеция заняла первое место среди всех стран-участниц ЕС по количеству несовершеннолетних беженцев, то вопросы, связанные с их интеграцией и дальнейшим трудоустройством, стоят сейчас на повестке дня особенно остро. На сегодняшний момент интеграционная политика в отношении несовершеннолетних стала одной из самых обсуждаемых тем и популярным предметом исследования в рамках иммиграционной политики в отношении беженцев (Çelikaksoy

and Wadensjö 2015, 3). В целом, у Швеции довольно неплохие показатели так называемой учебной интеграции по сравнению с остальными странами, входящими в состав ОЭСР (Working together...2016, 27). Это свидетельствует об успешности интеграции в долгосрочной перспективе, поскольку речь идёт о детях иммигрантов в последующих поколениях. Подобная тенденция получила название прогрессивной интеграции, поскольку показатели учащихся улучшаются от поколения к поколению. Интересно, что растёт не только школьная успеваемость, но и чувство принадлежности к шведскому обществу. Например, результаты проведённых опросов показали, что второе поколение детей иммигрантов воспринимает себя полноценными и равноправными членами шведского общества и не ощущает никаких различий между собой и сверстниками, чьи родители являются коренными жителями Швеции (Helping immigrant students ... 2015, 6).

Однако ситуация с несовершеннолетними беженцами, прибывшими в Швецию в течение последних лет, является не столь определённой. Большинство из тех, кто получил виды на жительство в Швеции в 2015 году (71 000 тысяча несовершеннолетних) – это молодые люди старшего школьного возраста, которые приехали в конце обязательного периода школьного обучения. Если взглянуть на аналогичные международные показатели, а также учебную успеваемость детей и подростков, переехавших в Швецию в более раннем возрасте, то уровень знаний учащихся, прибывших в Швецию в течение последних лет, оставляет желать лучшего. Например, в 2013 году у 38% иммигрантов, приехавших в Швецию в возрасте 15-24 лет, уровень образования был ниже среднего (Working together...2016, 28). Во многом это можно объяснить тем фактом, что образовательные стандарты, принятые в странах происхождения беженцев, могут серьёзно отличаться от шведских и зачастую не в самую лучшую сторону. Также большинство молодых людей приехало из стран, находящихся в состоянии войны, ещё у многих путь в Швецию занял довольно продолжительный период времени, в течение которого у них отсутствовал доступ к постоянному и качественному образованию.

Как правило, особые сложности вызывает переход со ступени среднего образования в старшую школу. На сегодняшний день лишь один из двух подростков продолжает обучение в старшей школе, остальные вынуждены прервать обучение (Working together...2016, 29). Тем не менее, оказавшиеся в такой ситуации молодые люди готовы немедленно приступить к работе. Как показывает исследование, процент

занятости среди таких несовершеннолетних гораздо выше по сравнению с теми, кто приехал в Швецию в сопровождении родителей. До сих пор неясно, вызвано ли это высоким уровнем мотивации или дополнительной поддержкой, которую оказывает несовершеннолетним без сопровождения шведское государство. С учётом того, что шведский рынок труда ориентирован на высококвалифицированные рабочие кадры, а общая доля вакантных мест, требующих низкой квалификации, ничтожно мала, то в будущем возникает риск того, что не сумевшие закончить обучение молодые люди могут остаться не удел и пополнить ряды живущих на социальное пособие иммигрантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день можно утверждать, что миграционный кризис последних лет, вызванный затяжным военным конфликтом и дестабилизацией политической обстановки в Сирии и соседних с ней государствах, стал настоящим вызовом для всего европейского сообщества. Поскольку Швеция оказалась в числе немногих стран-участниц ЕС, которые в условиях быстро растущего числа вынужденных переселенцев из регионов Ближнего Востока и Северной Африки остались верны политике открытых дверей, шведский опыт является показательным примером (как в позитивном, так и в негативном контексте) осуществления определенного рода иммиграционной политики в отношении беженцев. В 2015 году в Швецию прибыло почти 163 000 тысячи человек, а также рекордное число несовершеннолетних без сопровождения, в результате чего маленькая Швеция заняла первое место по количеству беженцев на душу населения среди остальных стран ЕС. Если говорить об основных странах происхождения прибывших в Швецию иммигрантов, то ими стали Сирия, Афганистан, Ирак, Ирак, Эритрея и Сомали.

Ввиду того, что анализ потенциальных проблем, с которыми столкнулось правительство Швеции в сфере иммиграции в течение последних лет, невозможен без понимания социального и политического контекста, автор счёл нужным обратиться к предпосылкам, оказавшим существенное влияние на формирование и становление шведской иммиграционной модели. Исследование показало, что так называемая политика открытых дверей, ставшая неотъемлемой частью внешнеполитического курса Швеции, обусловлена рядом исторических, политических и религиозных факторов.

Автор пришёл к выводу, что современная иммиграционная модель обладает некой исторической памятью, под которой подразумевается совокупность богатого иммиграционного опыта прошлых лет наравне с давней традицией предоставления убежища политическим и военным беженцам. В период, последовавший за окончанием Второй мировой войны, Швеция приняла сотни тысяч добровольных и вынужденных

иммигрантов, которые восполнили существовавший в то время дефицит рабочей силы и внесли свой вклад в создание шведской модели государства всеобщего благоденствия. Кроме этого, у Швеции имеется положительный опыт трудовой интеграции беженцев, приехавших в страну вскоре после окончания холодной войны и распада Югославии в начале 1990-х годов. Таким образом, исторический опыт прошлого можно рассматривать как важный фактор, определивший современное отношение шведского правительства к понятию иммиграции. Прибывающие в страну беженцы воспринимаются не как угроза национальным интересам страны, а являются ценным трудовым ресурсом в условиях низких показателей рождаемости и быстро стареющего трудоспособного населения.

Помимо этого, результаты исследования подтвердили предположение автора о том, что политика открытых дверей в отношении прибывающих в страну беженцев должна иметь ощутимую поддержку в лице нескольких акторов, играющих важную роль в социальной и политической жизни страны.

Первым участником миграционного процесса выступает Церковь Швеции. Несмотря на то, в современном шведском обществе религия занимает далеко не центральное место, церковь по-прежнему продолжает играть важное значение в социальной жизни страны и занимает активную позицию по многим спорным вопросам, включая миграцию. Подобный «церковный социализм» можно объяснить зависимостью церкви от внутривластного курса страны. Дело в том, что верховный законодательный церковный орган – Генеральная Ассамблея, представлен не только клириками, но и мирянами в лице представителей различных политических партий, включая партию социал-демократов, выступающую за либерализацию иммиграционного курса страны. На сегодняшний день церковь Швеции является одним из самых активных сторонников политики открытых дверей. Помимо оказания разнообразной волонтерской помощи беженцам и вовлечённости в процесс их дальнейшей интеграции, официальные представители церковной власти являются полноценными участниками дебатов, связанных со смягчением иммиграционного законодательства.

Вторым важным участником миграционного процесса является возглавившая правящую коалицию правительства Социал-демократическая рабочая партия. Поддержка иммиграции, а также равные права и возможности для всех жителей Швеции вне зависимости от их этнического, культурного и религиозного происхождения

являются одними из основополагающих пунктов программы партии. Несмотря на стабильную поддержку электората, в течение последних лет рейтинг партии заметно снизился. Существенное влияние на пошатнувшийся авторитет социал-демократов оказал миграционный кризис в Европе и связанное с ним появление на политической арене Швеции правоконсервативной партии Шведских демократов, выступающих за ограничительные иммиграционные меры. По результатам парламентских выборов 2014 года Шведским демократам удалось вырваться на третье место и получить определённую долю влияния в Риксдаге, что привело к межпартийному расколу и росту напряжения между членами правящей коалиции. Подобная тенденция говорит о том, что в Швеции растёт число людей, недовольных текущей иммиграционной политикой в отношении прибывающих в страну беженцев. Иными словами, либеральный иммиграционный курс социал-демократов и поведение правительства в условиях гуманитарного кризиса 2015 года не соответствовали ожиданиям шведских граждан, что свидетельствует о существовании неких внутренних проблем.

Таким образом, официальная риторика Стокгольма, основная суть которой долгое время сводилось к тому, что ситуация с иммигрантами находится под контролем, вступает в противоречие с реальным положением вещей. Результаты исследования показали, что в течение последних лет Швеция столкнулась с целым рядом проблем в сфере иммиграции. Подтверждением этому служит недавнее ужесточение иммиграционного законодательства по ряду ключевых вопросов, среди которых ограничение выдачи постоянных видов на жительство, сокращение иммиграции в рамках программы по восстановлению семьи и обязательная возрастная экспертиза для приезжающих в страну несовершеннолетних беженцев. Своевременно принятые законодательные меры позволили существенно снизить привлекательность Швеции в глаза иммигрантов. Если в 2015 году в Швецию прибыло 162 877 человек, то в 2016 году аналогичный показатель равнялся 28 939, а по состоянию на март 2017 года число поданных заявок составило 3 729.

Одной из ключевых проблем, с которой столкнулось правительство Швеции в 2015 году, стал дефицит жилья и слабый уровень взаимодействия между миграционной службой и муниципалитетами, которые несут ответственность за расселение беженцев. Поскольку муниципалитеты обладают правом на самоуправление, то окончательное решение остаётся за представителями местной власти. Неравномерное распределение

жилищных квот привело к ситуации, когда основная социальная нагрузка легла на перенаселённые муниципалитеты, которые исторически принимали наибольшее количество беженцев, в то время как остальные отказались участвовать в программе расселения или согласились разместить лишь минимальное число людей.

Отдельной проблемной категорией беженцев стали несовершеннолетние без сопровождения – молодые люди младше восемнадцати лет, приехавшие в Швецию без сопровождения родителей или опекунов. В 2015 году Статистическое управление Швеции зафиксировало 35 369 подобных случаев, что равнялось 40% от общего количества прошений по всему ЕС. Поскольку в Швеции действуют исключительные меры по защите прав детей и подростков, то в случае с несовершеннолетними процесс рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища происходит по ускоренной процедуре, а процент отказов стремится к нулю. Одновременно с этим в Швеции, в отличие от соседних Дании и Финляндии, до недавнего времени отсутствовала обязательная процедура медицинской возрастной экспертизы, а биологический возраст записывался со слов самого ходатайствующего.

Совокупность этих факторов привела к участвовавшим случаям обмана. Существует мнение, что больше половины так называемых «несовершеннолетних», получивших постоянный вид на жительство в Швеции в суе и неразберихе иммиграционного бума 2015 года, является на самом деле взрослыми людьми, которые пользуются привилегиями и благами, предназначенными для совершенно другой категории беженцев. Учитывая этическую и материальную сторону вопроса, шведское правительство поручило Министерству здравоохранения и социальных дел Швеции разработать новый, более надёжный и эффективный метод определения биологического возраста человека, первые результаты которого будут известны уже в 2017 году.

Ещё одной проблемной областью считается трудовая интеграция приезжих. На сегодняшний день в Швеции зафиксирован один из самых больших разрывов в уровнях безработицы между коренными жителями и иммигрантами среди остальных стран-участниц ОЭСР. Одной из главных причин высокой безработицы среди приезжих является недостаточный уровень образования в сочетании с низким уровнем грамотности. По состоянию на 2015 год примерно у одной трети прибывших в страну беженцев отсутствовало законченное среднее образование. С учётом того, что шведский рынок труда ориентирован на высококвалифицированные рабочие кадры, а доля вакантных

рабочих мест, предназначенных для работников с низкой квалификацией, составляет всего лишь 5%, то большое число низкоквалифицированной рабочей силы представляет серьезную угрозу для экономического благополучия государства в долгосрочной перспективе.

Исследование показало, что трудности с трудоустройством испытывают также те иммигранты, у кого имеется законченное высшее образование и необходимый опыт работы по специальности. Поскольку процесс подтверждения иностранных дипломов занимает достаточно долгое время, то многие высококвалифицированные кадры вынуждены работать на должностях, предназначенных для низкоквалифицированной рабочей силы, в то время как их профессиональные умения и навыки обесцениваются с течением времени.

В целом, проблемы, с которыми столкнулось шведское правительство в ходе реализации иммиграционной политики, можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся практические сложности, вызванные фактической нехваткой ресурсов на самом начальном этапе миграционного кризиса 2015 года. Среди них дефицит социального жилья, отсутствие достаточного числа квалифицированных кадров для работы с прибывшими беженцами, а также слабый уровень взаимодействия между основными органами государственной власти, ответственными за реализацию иммиграционной политики. Ко второй группе можно отнести проблемы, которые вызывают определенное беспокойство уже сейчас, однако чьи реальные последствия можно будет оценить только в долгосрочной перспективе. Например, интеграция в сферах образования и труда, а также демографические последствия для населения Швеции.

SUMMARY

THE CURRENT MIGRATION POLICY IN SWEDEN: IS THERE A PROBLEM IN IMPLEMENTATION?

Maria Repina

Due to the ongoing conflict and destabilization of political situation in Syria and its neighbouring localities within the recent years, the majority of European countries have experienced a dramatic increase in arrivals of refugees from the Middle East and North Africa region. The nowadays Swedish migration policy is considered one of the most liberal among the rest of the EU Member States. At the peak of migration crisis in 2015, nearly 163 000 refugees sought asylum in Sweden as well as the record number of unaccompanied minors (almost 35 300 unaccompanied minors, or 40% of all those registered in the EU Member States). Therefore, a small Sweden took the first place by the number of refugees per capita among the rest of the EU.

The aim of this research is to test the statement that current Swedish migration policy has a number of weaknesses worthy of criticism in terms of refugees coming to Sweden within the recent years. In order to reach the aim of this research work, the author has used the following methods: statistical method, which heavily depends on the analysis of different freely available primary sources; the analysis of legal discourse; and the historical method of research.

The author has analysed the context in which the modern Swedish migration policy has been implementing. According to the paper's findings, it appears to be that the compilation of historical, political and religious factors has a significant meaning to the liberalization of migration policy. From the experience of the past years, it is clear that the modern migration policy has so-called historical memory closely related to the post-war immigration experience as well as the long-standing tradition to provide an asylum for war and political refugees. In

addition to it, the implementation of a liberal immigration course is impossible without a strong support of the political elite and representatives of church authorities.

In order to reach a more comprehensive level of understanding of the current migration situation in Sweden, this dissertation defined the key categories of refugees came to Sweden during the period of 2014-2017 as well as the main challenges, which Sweden is facing currently. According to the paper's findings, the majority of problems is associated with the scarce of resources such as housing shortage and human resources. Another sort of difficulty is posed by the lack of proper interconnection between the migration agency and local authorities (municipalities) which are responsible for resettlement program. Along with that, the dramatic number of unaccompanied minors has become a serious challenge for the government of Sweden.

Now the Swedish government has implemented the number of temporary legal changes aimed to reduce the migration inflow to the country and lower the attractiveness of Sweden for refugees in future. However, there is an obvious drop in the number of refugees coming to Sweden in the period of 2016-2017, there is still much to be done. The main issue is associated with the labour integration of those who have already found their way to Sweden at the peak of migration crisis in 2015.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 20 juli 2016: Ny lag som påverkar asylsökande och deras familjer. (2016). Migrationsverket, 20 July 2016 <https://www.migrationsverket.se/Privatpersoner/Skydd-och-asyl-i-Sverige/Nyheter/2016-07-20-20-juli-2016-Ny-lag-som-paverkar-asylsokande-och-deras-familjer.html> (19.04.2017)
- 380 pastorer: Flyktingpolitiken inte för generös. (2014). – *Dagen*, 19 December 2014 <http://www.dagen.se/flyktingkrisen/380-pastorer-flyktingpolitiken-inte-for-generos-1.306400> (19.04.2017)
- Aiyar S., Barkbu B., Batini N., Berger H., Detragiache E., Dizioli A., Ebeke C., Lin H., Kaltani L., Sosa S., Spilimbergo A., and Topalova P. (2015). The Refugee Surge in Aliens Act (Utlänningslag) (SWS) No. 2005:716 of 29 September 2005. – Government Offices of Sweden, 12 June 2015 <http://www.government.se/government-policy/migration/aliens-act/> (19.04.2017)
- Amnesty International Annual Report: Eritrea 2016/2017. <https://www.amnesty.org/en/countries/africa/eritrea/report-eritrea/> (19.04.2017)
- Andersson, R. and Weinar A. (2014). Integration Policies Sweden country report. Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2014 <http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32656/INTERACT-RR-2014%20%2014.pdf;sequence=1> (19.04.2017)
- Ärkebiskopen kritisk till id-kontroller. (2016). – *Radio Sweden*, 9 January 2016 <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6341477> (19.04.2017)
- Attracting highly qualified and qualified third-country nationals to Sweden. (2013). European Migration Network (EMN), 2013 https://ec.europa.eu/homeaffairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/emnstudies/attracting/26.sweden_national_report_attracting_highly_qualified_final_october2013_en.pdf (19.04.2017)
- Benito, M. (2005). Active Civic Participation of Immigrants in Sweden. Interdisciplinary Center for Education and Communication in Migration Processes (IBKM): Carl von

- Ossietsky Universität Oldenburg, 28 April 2005 <http://www.politis-europe.uni-oldenburg.de/download/Sweden.pdf> (19.04.2017)
- Borevi, K. (2013). Multiculturalism and welfare state integration: Swedish model path dependency. - *Global Studies in Culture and Power*. Vol. 21, Issue 6, pp. 708-723 <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/1070289X.2013.868351?needAccess=true> (19.04.2017)
- Bouvin, E. (2016). 28-åring döms för folkrättsbrott. - *Dagens Nyheter*, 26 February 2016 <http://www.dn.se/nyheter/sverige/28-aring-doms-for-folkrattsbrott/> (19.04.2017)
- Braw, E. (2015). Refugees stoke tensions between Swedish towns. – *Politico*, 15 October 2015 <http://www.politico.eu/article/sweden-migration-asylum-refugees-crisis-malmo-stockholm/> (19.04.2017)
- Carlqvist, I. (2015). "Refugee Children" Invade Sweden. Gatestone Institute, 23 July 2015 <https://www.gatestoneinstitute.org/6190/sweden-refugee-children> (19.04.2017)
- Çelikaksoy A. and Wadensjö E. (2015). Unaccompanied Minors and Separated Refugee Children in Sweden: An Outlook on Demography, Education and Employment. Discussion Paper No. 8963. Bonn: Forschungsinstitut zur Zukunft der Arbeit, April 2015 <http://ftp.iza.org/dp8963.pdf> (19.04.2017)
- Cerkovnye vybory s partijnoj okraskoj. (2013). – Radio Sweden, 12 September 2013. (In Russian). <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5644307> (19.04.2017)
- Christian Council of Sweden: Member churches. <http://en.skr.org/home/member-churches/> (19.04.2017)
- Conflict in Syria leads to increased immigration. (2014). Statistics Sweden. Stockholm: Forecast Institute, 15 April 2014 http://www.scb.se/en_/Finding-statistics/Statistics-by-subject-area/Population/Population-projections/Population-projections/Aktuell-Pong/14505/Behallare-for-Press/372727/ (19.04.2017)
- Connor, P. (2016). Number of Refugees to Europe Surges to Record 1.3 Million in 2015. Pew Research Center, 2 August 2016 <http://www.pewglobal.org/2016/08/02/number-of-refugees-to-europe-surges-to-record-1-3-million-in-2015/> (19.04.2017)
- Convention Relating to the Status of Refugees of 28 July 1951, UN General Assembly, Treaty Series, vol. 189, p. 137 <http://www.refworld.org/docid/3be01b964.html> (19.04.2017)
- Country Report: Sweden. (2016). The Asylum Information Database (AIDA), March 2017 <http://www.asylumineurope.org/reports/country/sweden> (19.04.2017)

- Country Reports Nordic Region: A brief overview about the Nordic countries on population, the proportion of foreign-born and asylum seekers. Stockholm: Nordic Welfare Centre. <http://www.nordicwelfare.org/PageFiles/38146/Country%20Reports.pdf> (19.04.2017)
- Cultural Integration of Immigrants in Europe. (2012). Eds. F. Y. Algan, A. Bisin, A. Manning, T. Verdier. Oxford University Press, 1 January 2012
<https://www.oecd.org/sweden/promoting-well-being-and-inclusiveness-in-sweden.pdf> (19.04.2017)
- Dolgij put' inostrannyh vrachej i medsester. (2015). - *Radio Sweden*, 9 February 2015. (In Russian). <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6088687> (19.04.2017)
- Dublin in brief. (2015). Flyktinggruppernas riksråd (FARR), 12 September 2015
<http://www.farr.se/sv/in-english/dublin-in-brief> (19.04.2017)
- Emilsson, H. (2015). Sweden: A good integration policy is not enough. European web site on integration, 25 August 2015 <https://ec.europa.eu/migrant-integration/index.cfm?action=furl.go&go=/news/sweden-a-good-integration-policy-is-not-enough> (19.04.2017)
- EMN National Conference on Resettlement in Sweden and Europe – What Works? (2016). European Migration Network (EMN). Stockholm, 13 October 2016
<https://www.emn.sk/en/activities/meetings-and-conferences/278-emn-national-conference-on-resettlement-in-sweden-and-europe-what-works-stockholm-13-october-2016.html> (19.04.2017)
- Europe Needs Innovative Ideas to Integrate Immigrants and Ethnic Minorities – Challenges and Creative Activities in Education and Civil Society (a Comparison of Five European Countries) (2011). / Ed. H. Bücken-Gärtner. Kalmar and Växjö: Linnéuniversitet.
http://www.hwr-berlin.de/fileadmin/downloads_internet/Internationales/ip_projekte/Bericht-IP2011_EN.pdf (19.04.2017)
- Europe: Economic Challenges. International Monetary Fund, January 2016
https://static.nzz.ch/files/9/7/1/RefugeesSDN_1.18679971.pdf (19.04.2017)
- Eurostat Press release No 87/2016. Almost 90 000 unaccompanied minors among asylum seekers registered in the EU in 2015. 2 May 2016
<http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7244677/3-02052016-AP-EN.pdf/> (19.04.2017)

- Fast track - a quicker introduction of newly arrived immigrants. (2016). Government Offices of Sweden, 10 June 2016 <http://www.government.se/articles/2015/12/fast-track---a-quicker-introduction-of-newly-arrived-immigrants/> (19.04.2017)
- Feltz, V. (2015). Age assessment for unaccompanied minors. Doctors of the Word – Médecins du monde International Network, 28 August 2015 <https://mdmeuroblog.files.wordpress.com/2014/01/age-determination-def.pdf> (19.04.2017)
- Fogt, L. (2015). 203 flygtningebørn var i virkeligheden voksne. – *Metroxpress*, 22 June 2015 <https://www.mx.dk/nyheder/danmark/story/10542201> (19.04.2017)
- Foreign-born unemployment. (2015). OECD Data. <https://data.oecd.org/migration/foreign-born-unemployment.htm#indicator-chart> (19.04.2017)
- Frej, W. (2015). Here Are The European Countries That Want To Refuse Refugees. – *The World Post*, 9 September 2015 http://www.huffingtonpost.com/entry/europe-refugees-not-welcome_us_55ef3dabe4b093be51bc8824 (19.04.2017)
- Frydryszak, D. (2016). Legal Report on Access to Healthcare in 17 Countries. European Network to reduce vulnerabilities in health, 15 November 2016 <https://mdmeuroblog.files.wordpress.com/2016/11/mdm-2016-legal-report-on-access-to-healthcare-in-17-countries-15112016.pdf> (19.04.2017)
- Germany to send 12,000 Afghan refugees home, says it's safe enough – report. (2016). – *Russia Today*, 17 November 2016 <https://www.rt.com/news/367302-germany-deport-afghan-refugees/> (19.04.2017)
- Gholam Ali Pour, N. (2016). Sweden: Who Do Christian Leaders Serve? Gatestone Institute, 13 September 2016 <https://www.gatestoneinstitute.org/8920/sweden-church-immigration> (19.04.2017)
- Global Index of Religion and Atheism. (2012). The Worldwide Independent Network/Gallup International (WIN-Gallup International), 2012 <http://www.wingia.com/web/files/news/14/file/14.pdf> (19.04.2017)
- Government proposes measures to create respite for Swedish refugee reception. (2015). Government Offices of Sweden, 24 November 2015 <http://www.government.se/articles/2015/11/government-proposes-measures-to-create-respite-for-swedish-refugee-reception/> (19.04.2017)
- Hall, T. and Vidén, S. (2005). The Million Homes Programme: a review of the great Swedish planning project. - *Planning Perspectives*. Vol. 20, Issue 3, pp. 301-328 <http://www.ima.kth.se/utb/mj1501/2013/ES.pdf> (19.04.2017)

- Helping immigrant students to succeed at school – and beyond. (2015). OECD 2015
<https://www.oecd.org/education/Helping-immigrant-students-to-succeed-at-school-and-beyond.pdf> (19.04.2017)
- Hofverberg, E. (2016). Refugee Law and Policy: Sweden. Library of Congress, March 2016
<https://www.loc.gov/law/help/refugee-law/sweden.php> (19.04.2017)
- Hög nettoinvandring behövs. (2015). Rapport från Arbetsförmedlingen, 10 April 2015
<https://www.arbetsformedlingen.se/Omoss/Pressrum/Pressmeddelanden/Pressmeddelandeartiklar/Riket/2015-04-10-Hog-nettoinvandring-behovs.html#.VuWkJOLhCUm>
 (19.04.2017)
- Hudson, V. (2016). Europe’s Man Problem: Migrants to Europe skew heavily male—and that’s dangerous. – *Politico Magazine*, 5 January 2016
<http://www.politico.com/magazine/story/2016/01/europe-refugees-migrant-crisis-men-213500> (19.04.2017)
- Immigration Worldwide: Policies, Practices, and Trends. (2010). / Eds. U. A. Segal, D. Elliott, N. S. Mayadas. Oxford University Press, 2010
https://books.google.ee/books?id=_1PiBwAAQBAJ&pg=PT415&lpg=PT415&dq=sweden+historically+immigration&source=bl&ots=o3GwIcsW03&sig=frblpS9zVsrmaa_wq3npcswCTg&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjak4q2mqTTAhUCdCwKHYNBuc4ChDoAQhJMAU#v=onepage&q=sweden%20historically%20immigration&f=false
 (19.04.2017)
- Jänträ-Jareborg, M. (2010). Religion and the Secular State in Sweden. Uppsala University.
http://www.crs.uu.se/digitalAssets/55/a_55502-f_Religion_in_the_Secular_State.pdf
 (19.04.2017)
- Kreševic, K. (2016). Authoritarian Abuse in Eritrea. - *Harvard Political Review*, 17 October 2016
<http://harvardpolitics.com/hprgument-posts/authoritarian-abuse-in-eritrea/>
 (19.04.2017)
- Kristna hör inte hemma i Åkessons hejarklack. (2014). – *Dagen*, 19 September 2014
<http://www.dagen.se/debatt/kristna-hor-inte-hemma-i-akessons-hejarklack-1.269905>
 (19.04.2017)
- Larsson, P. (2016). The Far Right Comes to Sweden. – *Jacobin*, 1 November 2016
<https://www.jacobinmag.com/2016/01/sweden-democrats-jimmie-akesson-far-right-europe/> (19.04.2017)
- Lönnaeus, O. (2015). Löfven: Svårt att regera utan DÖ. – *Sydsvenskan*, 29 April 2015
<http://www.sydsvenskan.se/2015-04-29/lofven-svart-att-regera-utan-do> (19.04.2017)

- Measures to tackle the refugee crisis. (2015). Government Offices of Sweden, 23 October 2015 <http://www.government.se/information-material/2015/10/measures-to-tackle-the-refugee-crisis/> (19.04.2017)
- Minister Ylva Johansson answers questions from newcomers. – *The Local Voices*, 15 March 2016 <https://www.thelocal.se/voices/view/minister-ylva-johansson-answers-questions-from-newcomers> (19.04.2017)
- More immigrants support Sweden Democrats. (2013). – *Radio Sweden*, 12 December 2013 <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=5731273> (19.04.2017)
- Multi stakeholder approach for the integration of refugees. (2017). European Integration Network study visit in Västra Götaland, Sweden. 8-9 February 2017 https://www.etuc.org/sites/www.etuc.org/files/mailling/files/160217_labour-int_abstract_1.pdf (19.04.2017)
- Native-born unemployment. (2015). OECD Data. <https://data.oecd.org/migration/native-born-unemployment.htm#indicator-chart> (19.04.2017)
- New policy for the introduction of newly arrived immigrants in Sweden. (2010). Ministry of Integration and Gender Equality, 2010 http://adapt.it/adapt-indice-a-z/wp-content/uploads/2014/05/sweden_policy_2010.pdf (19.04.2017)
- New Swedish recommendations for age assessment of unaccompanied children. Socialstyrelsen (The National Board for Health and Welfare). http://www.sfor.se/pdf/SOS%20New_recommendations_on_Medical_Age_Assessment.pdf (19.04.2017)
- OECD Economic Surveys: Sweden. (2017). OECD, February 2017 <https://www.oecd.org/eco/surveys/Sweden-2017-OECD-economic-survey-overview.pdf> (19.04.2017)
- Ostrand, N. (2015). The Syrian Refugee Crisis: A Comparison of Responses by Germany, Sweden, the United Kingdom, and the United States. - *Journal on Migration and Human Security*. Vol. 3, Number 3, pp. 255-279 <http://www.pewglobal.org/2016/08/02/number-of-refugees-to-europe-surges-to-record-1-3-million-in-2015/> (19.04.2017)
- Party. (2001). Adopted by the Party Congress in Västerås 6 November, 2001 https://www.socialdemokraterna.se/upload/Internationellt/Other%20Languages/party_program_english.pdf (19.04.2017)
- Peterson, A. and Mattsson-Wallinder Y. (2012). An Explorative Study of the Impact of Local Political Opportunity: Structures on the Electoral Mobilisation of the Far-Right

- Movement in Sweden. - *Social Movements in the Nordic Countries since 1900*. Institute for Social Movements / Institut für soziale Bewegungen. Vol 48, pp. 111–132 http://moving-the-social.ub.rub.de/index.php/Moving_the_social/article/view/767/731 (19.04.2017)
- Pierre, J. and Jochem S. (2016). Sweden Report: Sustainable Governance Indicators 2016. Bertelsmann Stiftung, 2016 http://www.sgi-network.org/docs/2016/country/SGI2016_Sweden.pdf (19.04.2017)
- Politicheskij krizis v Afganistane grozit raspadom strany. (2016). Informacionno-analiticheskij portal «Centr L'va Gumiljova», 24 October 2016. (In Russian). <http://www.gumilev-center.ru/politicheskijj-krizis-v-afganistane-grozit-raspadom-strany/> (19.04.2017)
- Potkanski, M. (2015). Undocumented Immigrants: Health Needs in Sweden and Austria. - *SIAK-Journal – Journal for Police Science and Practice*. Vol. 5, pp. 68-75 http://www.bmi.gv.at/cms/BMI_SIAK/4/2/1/ie2015/files/Potkanski_IE_2015.pdf (19.04.2017)
- Pressmeddelande: Lagliga vägar för att söka asyl i EU. (2016). Government Offices of Sweden, 29 January 2016 <http://www.regeringen.se/regeringens-politik/regeringens-arbete-med-flyktingsituationen/overenskommelsen-insatser-med-anledning-av-flyktingkrisen/tillfalligt-uppehallstillstand-som-huvudregel-infors-under-en-begransad-tid/> (19.04.2017)
- Promoting Well-being and Inclusiveness in Sweden. (2016). Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Paris: OECD Publishing, August 2016 <https://www.oecd.org/sweden/promoting-well-being-and-inclusiveness-in-sweden.pdf> (19.04.2017)
- Reaching a State of Hope: Refugees, Immigrants and the Swedish Welfare State, 1930–2000. (2013). / Eds. M. Byström and P. Frohnert. Sweden: Nordic Academic Press. http://www.nordicacademicpress.com/wordpress/wpcontent/uploads/2013/07/ReachingAState_Provlas.pdf (19.04.2017)
- Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person. - OJ L 180, 29.6.2013, p. 31–59. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex%3A32013R0604> (19.04.2017)
- Resettlement and Humanitarian Admission Programmes in Europe – what works? Report from EMN (European Migration Network) Sweden 2016:2. (2016). / Eds. B. Parusel and M. Bengtsson. Sweden: Migrationsverket, 2016

- http://www.emnsweden.se/download/18.2d998ffc151ac387159171b6/1484748710524/Resettlement+and+Humanitarian+Admission+Programmes+in+Europe_web.pdf
(19.04.2017)
- Santavirta T. and Myrskylä M. (2015). Reproductive behavior following evacuation to foster care during World War II. - *Demographic Research*. Vol. 33, Article 1, pp. 1–30
<http://www.demographic-research.org/volumes/vol33/1/33-1.pdf> (19.04.2017)
- Schuchter, A. (2015). Isis Containment & Defeat: Next Generation Counterinsurgency - NexGen COIN. iUniverse, 2015
<https://books.google.ee/books?id=7guCwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (19.04.2017)
- Slutgiltigt resultat för val till kyrkomöte. (2013). Svenska kyrkan.
<http://kyrkoval.svenskakyrkan.se/Valresultat2013/slutg/valresultat/Resultat/Kyrkomote.aspx> (19.04.2017)
- Södertälje in the world. The world in Södertälje. Södertälje kommun.
http://www.socialdemokraterna.se/upload/webbforalla/ak/sodertalje/dokument/Sodertalje_in_the_world.pdf (19.04.2017)
- Speech by Prime Minister Stefan Löfven at European Parliament. (2016). Government Offices of Sweden, 9 March 2016
<http://www.government.se/speeches/2016/03/speech-by-prime-minister-stefan-lofven-at-european-parliament/> (19.04.2017)
- Statement of Foreign Policy. (2013). Government Offices of Sweden, 13 February 2013
<http://www.regeringen.se/49b754/contentassets/c1f7e438b32f4d6e995a09bd34508695/statement-of-government-policy-in-the-parliamentary-debate-on-foreign-affairs-2013>
(19.04.2017)
- Stop refugees or we'll stop aid, Germany tells Afghans. (2016). – *The Local*, 2 February 2016
<https://www.thelocal.de/20160202/aid-will-stop-if-refugees-keep-coming-germany-tells-kabul> (19.04.2017)
- Sutherland, S. (2017). 10 fundamentals of religion in Sweden. 11 April 2017
<https://sweden.se/society/10-fundamentals-of-religion-in-sweden/> (19.04.2017)
- Sverigedemokraterna. Vår politik: Invandringspolitik. <https://sd.se/var-politik/> (19.04.2017)
- Sweden begins new asylum seeker age assessment tests. (2017). – *The Local*, 7 March 2017
<https://www.thelocal.se/20170307/sweden-begins-new-asylum-seeker-age-assessment-tests> (19.04.2017)

- Sweden offers residency to all Syrian refugees. – *The Local*, 3 September 2013
<https://www.thelocal.se/20130903/50030> (19.04.2017)
- Sweden Policy Brief: Promoting labour integration among Sweden’s migrant population. (2015). OECD Better Policies Series, March 2015
<https://www.oecd.org/sweden/sweden-promoting-labour-market-integration-among-migrant-population.pdf> (19.04.2017)
- Sweden struggles with first gender balance shift in 267 years. (2016). – *CBS News*, 30 May 2016
<http://www.cbsnews.com/news/gender-balance-shifts-progressive-sweden/> (19.04.2017)
- Sweden to begin age tests for unaccompanied child refugees. (2016). - *Luxemburger Wort*, 9 September 2016
<http://www.wort.lu/en/international/starting-2017-sweden-to-begin-age-tests-for-unaccompanied-child-refugees-57d2c5afac730ff4e7f662a0> (19.04.2017)
- Sweden unveils new refugee age assessment model. (2016). – *The Local*, 9 September 2016
<https://www.thelocal.se/20160909/sweden-to-unveil-new-refugee-age-assessment-model> (19.04.2017)
- Swedish far right not welcome at Nobel dinner. (2010). – *The Local Voices*, 27 October 2010
<https://www.thelocal.se/20101027/29858> (19.04.2017)
- Swedish integration policy. (2009). Ministry of Integration and Gender Equality, December 2009
<http://www.government.se/49b72d/contentassets/b055a941e7a247348f1acf6ade2fd876/swedish-integration-policy-fact-sheet-in-english> (19.04.2017)
- Swedish pediatrician: Some 'children' nearly 40. (2016). – *The Local*, 3 September 2016
<https://www.thelocal.se/20160903/swedish-pediatrician-some-refugee-children-nearly-40> (19.04.2017)
- Swedish Trends 1986–2015. (2015). / Eds. H. Oscarsson and A. Bergström. Gothenburg: The SOM Institute at the University of Gothenburg.
http://som.gu.se/digitalAssets/1593/1593632_swedish-trends-1986-2015.pdf (19.04.2017)
- The Swedish Local Government Act (Kommunallag) (SWS) No. 1991:900 of 13 June 1991. – Ministry of Finance, 1 September 2004
<http://www.government.se/legal-documents/2004/09/ds-200431/> (19.04.2017)
- This Is What We Want. (2017). / Ed. B. Cedersjö. Christian Council of Sweden, 12 August 2017
http://www.skr.org/wp-content/uploads/2017/01/SKR_Skrift_22_ENG_.pdf (19.04.2017)

- Traub, J. (2016). The Death of the Most Generous Nation on Earth. – *Foreign Policy*, 10 February 2016 <http://foreignpolicy.com/2016/02/10/the-death-of-the-most-generous-nation-on-earth-sweden-syria-refugee-europe/> (19.04.2017)
- Tuttle, I. (2015). Many ‘Syrian Refugees’ Are Neither Syrian nor Refugees. – *National Review*, 22 September 2015 <http://www.nationalreview.com/article/424416/many-syrian-refugees-are-neither-syrian-nor-refugees-ian-tuttle> (19.04.2017)
- UN Inquiry finds crimes against humanity in Eritrea. (2016). UN Human Rights Office of the High Commissioner, Geneva. 8 June 2016 <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=20067&LangID=E> (19.04.2017)
- UNHCR Asylum Trends 2014: Levels and Trends in Industrialized Countries. (2015). UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). <http://www.refworld.org/docid/5513bd3b4.html> (19.04.2017)
- Val till riksdagen 2010-09-19: Röster och mandat för partierna. (2010). Valmyndigheten, 19 September 2010 http://www.val.se/val/val2010/slutresultat/protokoll/protokoll_00R.pdf (19.04.2017)
- Val till riksdagen 2014-09-14: Röster och mandat för partierna. (2014). Valmyndigheten, 14 September 2014 http://www.val.se/val/val2014/slutresultat/protokoll/protokoll_00R.pdf (19.04.2017)
- Valverde, M. (2017). What the statistics say about Sweden, immigration and crime. – *PolitiFact*, 20 February 2017 <http://www.politifact.com/truth-o-meter/article/2017/feb/20/what-statistics-say-about-immigration-and-sweden/> (19.04.2017)
- Westin, Ch. (2006). Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism. Migration Policy Institute, 1 June 2006 <http://www.migrationpolicy.org/article/sweden-restrictive-immigration-policy-and-multiculturalism> (19.04.2017)
- When you have received your residence permit – visit us at Arbetsförmedlingen! (2016). Arbetsförmedlingen, April 2016 <https://www.arbetsformedlingen.se/download/18.7cab701e12c9dc4a47c800044/1462872464501/uppehallstillstand-eng.pdf> (19.04.2017)
- Working Together: Skills and Labour Market Integration of Immigrants and their Children in Sweden. (2016). Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Paris: OECD Publishing, 2016 http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/working-together-skills-and-labour-market-integration-of-immigrants-and-their-children-in-sweden_9789264257382-en#page4 (19.04.2017)

Yttrande över promemorian Begränsningar av möjligheten att fåuppehållstillstånd i Sverige (utkast till lagrådsremiss) No 2016:213 of 9 March 2016. Svenska kyrkan, 28 July 2016 <https://www.svenskakyrkan.se/svenska-kyrkans-remissvar-om-begransningen-av-mojlighet-till-uppehallstillstand> (19.04.2017)